

Легенды Отрезанного Простора

Автор:

Мария Токарева

Легенды Отрезанного Простора

Мария Токарева

Степные Орки многие века созерцали Хаос за Барьером, кочуя по бескрайним степям Отрезанного Простора. Где-то за горами жили люди, но орки не променяли бы свой вольный край на тесноту городов. И только вера в Белого Дракона помогала в бесконечных странствиях. Юный орк Адхи готовится пройти обряд посвящения. Но догадывается ли он, с какими трудностями столкнется на пути взросления? Поможет ли ему вера в духов, когда лучший друг сойдет с ума, а младшему брату будет грозить таинственная опасность?

Мария Токарева

Легенды Отрезанного Простора

Глава 1. Легенда старого шамана

Мир Звена. Где-то среди бесконечных степей Отрезанного Простора.

Степные Орки не помнили, когда пришел древний Змей Хаоса, застивший полнеба. Тогда лишь магический Барьер спас все сущее и океан трав от уничтожения, лишь он давал тепло и свет, потому что солнце погасло навек.

Старый мир утонул в бездне небытия, исчез во мраке Хаоса. Да и существовал ли?

Две тысячи лет орки созерцали великий Хаос за магическим Барьером. А может, двести... А может быть, две недели... Время давно кануло в небытие. Его отмеряли лишь заготовки сена для скота и узелки на тугих веревках, которые украшали полог юрты вперемешку с ароматными травами и высушенными костями животных.

– Слушайте, дети, слушайте, – говорил старый шаман Ругон, воскуривая благовонья и раскладывая сухожилья и когти шестилапой собаки на узорной циновке, чтобы духи вложили в его уста сказанья прошлых дней.

Вокруг старика собрались самые юные члены племени, еще не прошедшие воинского посвящения. Подогнув ноги, дети сели полукругом. Поджарые, с бронзово-алой кожей, они уже познавали премудрости выживания в бесконечных степях. В этот день им предстояло услышать священную историю их народа, старинное сказание о самой тайне творения.

Лето клонилось к закату, трава начинала желтеть и высыхать. В начале осени, когда полноту жизни уже незримо трогало мертвенное дыхание зимы, в племени было принято рассказывать детям легенду о противостоянии древних сил. Старейшины и шаманы верили, что она помогает пережить все невзгоды зимы и не впасть в отчаяние.

– То дело далеких дней. Тогда еще не родился дед моего деда, а земля и небо колыхались в сплетенных объятьях посреди молочного океана, – торжественно начал Ругон, ударяя в тугой бубен с узорчатыми кистями.

– Молочного... Он был вкусным? – невпопад пискнул один малыш, Дада, у которого пока даже не прорезались нижние клыки. От фантазий в животе у него заурчало. Но несмышлениша тут же дернул за черные косички старший брат. Адхи, жилистый подросток, через пару лет уже готовившийся ступить на путь воина:

– Тихо ты! Когда говорит шаман, с нами говорят все предки. Не хочешь услышать голос отца нашего отца и отцов всего племени?

Малыш неопределенно замотал головой и сунул в рот палец, покусывая пока еще мягкий сизый коготок. Он пугливо воззрился на старика, который умиротворенно собирал узоры из костей. Шаман не серчал:

- Спрашивайте, дети, спрашивайте.

- Кто создал молочный океан? – первым подал голос немного оробевший Адхи. Он нервно хватался за узорный пояс, на котором вскоре должны были появиться первые ножны со стальным оружием. Пока мальчишке полагался лишь небольшой тугой лук для охоты на ретивых степных птиц. Сабля... Как же он мечтал получить этот знак взросления! И потому он очень боялся, что прогневает духов неумными вопросами. Но ведь для обучения они и пришли к шаману.

- В давние времена небо и землю сотворил Белый Дракон, – с улыбкой начал Ругон. – В начале времен было гигантское яйцо, плывущее в бесконечном океане. Белом-белом, белее самого белого молока. Океане чистого света.

- Так это не молочный океан... – прошептал непоседливый малыш Дада, но тут же съежился, опасаясь тумачков от брата. Но старший только нервно сжимал кулаки, жадно ожидая продолжения рассказа.

- И вот однажды мировое яйцо прорезала трещина, скорлупа отворилась, и над водами океана света воспарил Белый Дракон.

- А почему яйцо треснуло? – спросил один из слушателей, веснушчатый крепкий парнишка с длинными нижними и верхними клыками. Ему полагалось вкусить тайны обряда обращения в воина уже грядущей весной. И, конечно, ему хотелось узнать побольше о создании мира, чтобы не оплошать при общении с духами при прохождении посвящения.

- Пришло время. Все в этом мире происходит в свое время, – улыбнулся Ругон, обнажая пожелтевшие, изъеденные временем клыки. – Когда прошла трещина по скорлупе, настало время появиться нашему миру. Ведь есть и другие миры, созданные другими Хранителями. Но о том пусть сказывают шаманы в своих мирах. Я передам вам лишь то, что говорят духи наших степей. А они помнят рождение Белого Дракона. В тот день они разлетелись из осколков скорлупы и с тех пор хранят эту память. Память важнее времени. Да... Да, духи помнят, как

создавали над океаном света океан травы. Белый Дракон осматривался, желая найти место, куда ему приземлиться. Трепет его крыльев взбил гладь молочного океана, и на поверхности начали появляться бугорки, из них-то потом и появились острова и материки. Хранитель же нашел высокую гору, обернулся вокруг нее длинным телом, укрылся крыльями с мягким опереньем и, утомленный, заснул на несколько веков, пока молочный океан успокаивался и материки обретали форму. Когда он открыл глаза, то увидел лишь голые камни посреди огромного ничто. Тогда-то он вновь взмахнул крыльями, и пар, курящийся над океаном, взвился ввысь, создавая облака и небосвод. В тот миг небо отделилось от земли. А духи-из-скорлупы помогли Белому Дракону выстлать мягкие ковры травы, которой по сей день питаются наши стада. И взошел новый океан, зеленый океан.

– А как мы появились? Степные Орки, – мерцая оранжевыми глазами, воодушевленно вопрошали собравшиеся ребята. Ругон удовлетворенно кивал. Эти вопросы повторялись из года в год много лет, а он каждый раз повторял старинную легенду о создании миров.

– Белый Дракон решил, что океан травы слишком тих и однообразен. Тогда он создал животных, которые принялись есть свежие побеги. Белый Дракон наблюдал за ними и радовался, но вскоре он вновь заснул на своей скале. Но когда проснулся, увидел, что океан травы почти съеден, а животные сотнями умирают от голода. Тела их лежали на голых камнях, молочный океан бурлил от их крови. Тогда Белый Дракон подумал и с болью в сердце создал хищников, которые бы поедали тех, кто питается травой. Потом он сотворил птиц, чтобы наполнить мир поднебесья песнями, и рыб, чтобы в молочном океане тоже была жизнь. И вот тогда-то настало великое равновесие. Утомленный Хранитель снова погрузился в сон. А пока Дракон отдыхал, порядок в мире поддерживали духи-из-скорлупы, обратившиеся легкокрылыми насекомыми. Да-да, малыш, если в следующий раз побежишь за стрекозой, подумай – может быть, тебя ведет крошечный дух.

– Зачем же ему понадобилось создавать нас? Раз ему все нравилось в мире, – дивились юные слушатели. Ругон задумчиво перекладывал шаманские талисманы и сухожилия по цветной циновке и напевно продолжал:

– Белый Дракон спал и видел чудесные сны. Просыпался – и видел чудесный мир, пришедший, цветущий в гармонии. Но что-то мешало его сердцу обрести покой. Он обращался к животным – и те кивали ему, понимали его, но не могли

ответить. Он обращался к духам-из-скорлупы – и те отвечали стрекотом крыльев. Но не находилось никого, кто сумел бы говорить с ним на одном языке. Слышать и понимать его слова. А возможно, и спорить с ним. Белый Дракон ощущал одиночество. И тогда он вырвал из своих крыльев перья, а с груди соскоблил сияющие чешуйки. Из них он соткал скелет нового создания. Оцарапав себя когтями, он окропил творение собственной кровью, а потом склонился над ним и сказал: «Вставай! Я назову ваш род Степными Орками, но создам и других, чтобы вы тоже жили в гармонии и мире. И никогда не были одиноки».

– Это поэтому в нашем мире живут эти странные создания... ну... люди? – удивлялся Дада, всплескивая руками и смешно трясая головой, отчего его косички топорщились, как иголки степного бронеежа.

– Да. Белый Дракон не хотел, чтобы мы ощущали то одиночество, которое испытывал он в первые дни творения. Он завещал всем разумным созданиям жить в мире и дружбе.

– Если Белый Дракон такой добрый, почему в мире есть злые? – спросил малыш, вынимая коготок изо рта. Адхи уже не одернул младшего, а только встревоженно закивал:

– Да-да, почему? Почему на наше племя этой весной совершили набег Орки Огненной Травы? Почему есть злые люди?

Морщинистое лицо шамана подернулось тенью скорби. Не каждый год его спрашивали так прямо. Глядя на этих детей, еще не вкусивших сполна горести взрослой доли, Ругон молил духов не посылать им встречу с великим злом и всеми его проявлениями. Но духи не всегда слышали, не всех миловали.

– О том и сказ. Все создано добром и добрым изначально, но ни одно творение не обходится без вторжения зла, – вздохнул шаман, гася в юрте огни, и мрачно, почти с отвращением, продолжил: – Где-то в иных далеких мирах существовало другое яйцо. Такое же гигантское, но черное и плывущее в океане вечной ночи, мрака. И из него однажды, не в назначенный час, не в положенное время, вырвалось иное создание. Змей... Змей Хаоса. Чем-то он напоминал Белого Дракона, но нет-нет, не смейте их сравнивать. Одно их отличало, одно и самое важное: Змей Хаоса был чужд творению и созиданию. Сама его природа не

позволяла создавать жизнь. Он мог лишь разрушать и поглощать, жадно насыщаясь чужими творениями. Он поглощал миры, уничтожал созданное Хранителями и самих Хранителей, но не мог насытить терзающий его бесконечный голод. Его великую жадность. И однажды он пришел в наш мир. В те далекие времена не существовало еще ни войн, ни злобы, ни предательства. Белый Дракон с тихой радостью следил за своим молодым творением, которое научилось отвечать ему почти на равных, а порой даже беззлобно спорить. Тогда все дышало добротой и созиданием: люди осваивали ремесла, строили красивые юрты, намного выше и крупнее наших, и не совершали набегов на соседей. Да и зачем? Каждый делился по своей воле, и никого еще не постигла великая жажда алчности. Но вот пришел тот, кто не способен творить. Лишь искажать, нарушать и сеять Хаос. И Белый Дракон вышел на битву.

– И они сражались? Да? И Белый Дракон победил? Победил ведь, да? – оживились воодушевленные слушатели, но Ругон поднял руку, призывая к молчанию.

– Да, дети, они сражались. Многие века в разных обликах, многие столетия Белый Дракон отгонял зло от своего творения, – медленно, как скорбную речь у могилы, проговорил шаман. – Но Змей Хаоса был силен, слишком силен. Его подпитывали все новые и новые миры, которые он разрывал и поглощал. А у Белого Дракона оставался только его несчастный мир, в котором разразилась война. Его создания уже были отравлены ядом Змея. В них поселилась великая злоба. Они забывали о том, что Хранитель создавал их добрыми. Зло застилало глаза, велело соседям захватывать имущество и дома ближних, братьям – сходитьсь в поединках за наследство, матерям – убивать детей в колыбелях, а сыновьям – подстерегать с ножами отцов. Белый Дракон понял, что поединок со Змеем уничтожит мир, слишком долго он сам вел войну, слишком долго наполнял мир скорбью. А Змей Хаоса лишь больше разрастался, напиваясь чужими горестями. И тогда Белый Дракон вызвал врага на последний поединок и почти одержал верх, заставляя Змея Хаоса отступить, прекратить поглощение миров. Но и сам Белый Дракон рассыпался золотой пылью, ставшей Барьером, защитившим нас от Хаоса. По сей день стоит Барьер. По сей день мы помним о жертве Хранителя и ждем возвращения Белого Дракона, глядя на Хаос по ту сторону.

Юрта наполнилась тягучим дымом молчания. Юные орки опечаленно уставились в деревянный настил, кто-то задумчиво перебирал сальные косы, кто-то тяжело вздыхал. Малыш Дада громко зашмыгал носом, неумело скрывая выступающие

на глазах слезы.

– Если Белый Дракон погиб, то кто же защитит нас? – хмуро отозвался его брат Адхи, упрямо закусывая дрожащую губу. Ему-то уже не полагалось плакать, но очень хотелось. Шутка ли! Шаман возвестил, что Хранитель Мира погиб в неравной борьбе, а они все, несчастные творения, остались без поддержки наедине с непобедимым злом. Казалось, не только в юрте, но и во всем травяном океане Отрезанного Простора не осталось света и тепла. Зима, вечная стужа и тишь, подступала и вытягивала силы лета, подтачивая силы племени. Осталась ли надежда в этом мире? Юные орки не знали, пребывая в смятении.

Но Ругон вновь зажег огни, воскурил благовонья и убрал кости с пестрой циновки, на которой красовалось изображение Белого Дракона, сотканное из многоцветья высушенных стеблей. Шаман грустно улыбнулся, благоговейно перебирая когтями по картине:

– Белый Дракон не умер. Хранитель не может умереть: он пожертвовал собой ради всего мира, и с тех пор частица его живет в каждом из нас. Мы стали не просто его созданиями. С тех пор каждый из нас – сам хранитель золотой пылинки, частицы Хранителя. И когда настают дурные времена, когда сердца полнятся отчаянием и тревогой, мы взываем к Белому Дракону в своей душе, чтобы пережить их, стать сильнее и добрее. Помните об этом, помните, что в каждом есть Белый Дракон и Змей Хаоса. И только от вас зависит, чей голос громче позовет вас.

– Но как же Змей? Неужели он останется навечно? – спрашивали юные слушатели.

– Зло не может быть вечным, у него нет своего времени и назначенного часа. Вечность чужда ему, как чуждо творение и поддержание жизни. Говорят, однажды Белый Дракон возродится и сразит Змея Хаоса. Духи! – воскликнул Ругон, ударяя в бубен. – Духи-из-скорлупы говорят мне, и говорили отцу моего отца, и его отцу: Змей Хаоса будет побежден. Его сразит тот, кто станет Белым Драконом. Рожденный смертным творением, оказавшийся в бездне отчаяния, но не обратившийся к злу, он воспрянет над собой, и в нем вновь возродится Хранитель, Белый Дракон.

Глава 2. Заговор старого шамана

Адхи сощурился, когда вышел из юрты шамана на яркий свет, и заслонился крупной ладонью. Рядом Дада, младший брат, потер кулачками слезящиеся глаза. То ли он и впрямь надумал развевется, переживая за судьбу Белого Дракона, то ли надышался дыма ароматных благовоний старика Ругона.

– И что ты устроил у шамана, дуралей? – посетовал Адхи, беззлобно трепля младшего по голове. Дада только засмеялся и запищал, как неразумный теленок. Недавняя печаль унеслась легким степным ветерком, затерялась в белой ковыли.

– Но океан правда был вкусный, как парное молоко? – приставал к брату Дада, прыгая вокруг него, как прыткий кузнечик. Адхи только мотнул тугими черными косицами и рассмеялся:

– Да кто же будет пить океан?

– И Белый Дракон сотворил все из молока? – не унимался Дада.

– Да, все так и было. Взбивал-взбивал взмахами крыльев и сотворил, – кивнул Адхи, но сам-то он подозревал, что все это сказки для малышей.

Конечно, он верил в верховную суть и смысл Белого Дракона, верил в его священную жертву. Но старался не постигать умом тайное знание, крившееся за словами шамана, за всей этой чередой непонятных символов. Взрослые никогда не подвергали речи Ругона сомнению. А вот Хорг, веснушчатый друг-ровесник Адхи, в последнее время все чаще говорил:

– Думаешь, и правда из молока мир создали? Да ты из молока, кроме масла и сыра, ничего не создашь.

– А как же кумыс? Вон как взрослые его любят! Вот пройдем посвящение и тоже попробуем, – смеялся Адхи, который уже встретил свое тринадцатое лето. Ему, как и Хоргу, грядущей весной предстояло ступить за край иного мира, чтобы встретиться с духами-из-скорлупы и обрести право называть себя взрослым.

– Кумыс! – фыркнул Хорг еще накануне. – Будто из него что-то можно создать. Из молока камней не сделаешь. И зверей не сотворишь. Да и Белый Дракон совсем на нас не похож. Как он мог из своих частичек создать таких, как мы? Вот если на них похож, то они твои родители. А чем дракон на орков похож? Вот ты похож на своих родителей?

– Похож... – задумчиво скреб безбородый подбородок Адхи, озадаченно щелкая клыками. – Ну а как же битва со Змеем? Неужели не веришь и в нее?

– Может, и верю, – неопределенно пожал плечами Хорг. И в тот день они больше не говорили о таких серьезных вещах.

Больше их занимала охота на пестрых шестикрылых фазанов. К вечеру неутомимые парнишки принесли к стойбищу целых пять тушек, а дальше им поручили ощипать и освежевать добычу. Испытание охотой считалось одним из самых важных в ритуале взросления, так что орочьи дети, и мальчики, и девочки, сизмалства готовились к нему, а заодно учились добывать себе пищу.

– А я вот и из пращи могу, и копьем, и просто когтями, – хвастался Хорг.

И Адхи радовался, что у него такой сильный и проворный друг. Сам-то он тоже научился одними когтями хватать дичь. Сказывали, что в давние времена, еще до пришествия Хаоса, орки только так и ловили себе еду. Это потом они научились строить юрты, плести цветные рубахи, ковать стальные мечи и искусно слаживать пластинчатые доспехи. Адхи надеялся, что после обряда посвящения они с другом вместе пойдут в ученики к кузнецу их племени.

Рослый мужчина с огромными желтыми клыками, косматой опаленной бородой и ярко-красной кожей выглядел внушительно, когда ударял по наковальне гигантским молотом, который сжимала не менее гигантская рука.

Против таких-то орков-воинов не рискнули бы выступить дружины князей из-за гор. Там, где-то за острыми скалами и Охранными Камнями, правители враждовали друг с другом и вершили суд по своим неведомым законам. Адхи же гордился тем, что родился орком на Просторе, в привольном океане травы. И пока ни с кем не ссорился, в отличие от этих склочных созданий, людей. Нет-нет, у него был преданный друг. И чистое юное сердце верило, что это навсегда.

– Доброго дня тебе, Адхи! – громогласно донеслось над ухом, и на плечо с размаху легла тяжелая рука. Хорг всегда был крупнее и выше друга, но они никогда не дрались.

Вот и теперь он улыбался, показывая ровные белые клыки. В глазах приятеля играло озорство, наверняка он уже придумал новую шалость. Пусть они и готовились ступить на путь посвящения, но это не мешало мальчишкам порой нарушать правила взрослых.

– Привет, Хорг, как тебе речи шамана? Все еще сомневаешься? Я видел, как ты внимательно слушал, – улыбнулся Адхи. Он верил, что метущееся сердце друга обрело покой после ежегодного рассказа легенды о Белом Драконе. Несмотря на ее печальные моменты, после слов Ругона всегда делалось светлее на душе.

– Да как сказать, – замялся Хорг, посвистывая через длинный нижний клык, и Адхи совсем не понравилась эта нарочитая беспечность, как будто друг что-то скрывал. – Слышал я их уже.

Хорг беззаботно махнул рукой, хотя прочие отроки покидали юрту задумчивыми и сосредоточенными.

– Адхи, твой друг Хорг не верит, что молочный океан вкусный? – пребывая в светлой наивности своего возраста, спросил Дада. Адхи ласково потрепал младшего по голове и улыбнулся:

– Он его просто не распробовал.

– Эй, дружище! Идем завтра охотиться на фазанов? – окликнул издали Хорг. Его рослая фигура мелькала среди юрт и повозок. Он едва не пританцовывал, на ходу в бессмысленной злобе отвешивая щелбан шестилапой лиловой собаке. Пес заскулил и залился лаем, поднимая беспорядочный перебрех сородичей. Так уж обычно шутил этот неугомонный Хорг.

– Обязательно! – крикнул ему Адхи, неодобрительно качая головой. Старик Ругон видел в Хорге будущего крепкого воина, предрекал тому добрую судьбу. Да и в юрте приятель вел себя почтительно, даже благоговейно. На улице же как будто спадала с него маска, ярче проступали веснушки. И будто каждая надоумливалась на новые проделки. Но без выдумок друга жизнь казалась бы пресной чередой

бытовых поручений и тренировок. Грядущая охота теперь отзывалась сладкой тоской предвкушения, в которой прошел остаток дня. Под вечер Адхи вернулся в юрту. Дада уже сопел под мягким лоскутным одеялом на овечьей шкуре. Мать же деловито поправляла угли в жаровне.

– Как прошел урок у шамана? – спрашивала она. Отец в этот вечер отлучился на дальний край пастбища, да там и заночевал.

– Хорошо, – отозвался Адхи, развязывая тесемки рубахи и сонно потягиваясь. – Но шаман ведь повторяет из года в год эту историю...

В светло-оранжевых глазах матери промелькнуло суровое неудовольствие. Она взмахнула щипцами для углей, точно саблей.

– Не мой сын так говорит. Не мой сын так плохо усваивает уроки. Кто ты, незнакомец? Где мой сын Адхи? – сурово отрезала она, но смягчилась: – Расскажи немедленно, почему на самом деле шаман повторяет каждый год легенду.

Адхи устыдился, опуская глаза. Неосторожная фраза как будто сама вылетела изо рта. Вернее, как будто его устами отчего-то заговорил неугомонный Хорг.

– Шаман каждый год не повторяет легенду. Каждый год он повторяет волю духов, чтобы не иссякла наша память, чтобы духи слышали в назначенный день, как к ним обращаются, – смиренно проговорил Адхи.

– То-то же! Запомни легенду о Белом Драконе. Она помогает в трудные времена. И это часть твоего обучения, – одобрительно кивнула мать и строго напутствовала: – А завтра я буду смотреть, как ты научился стрелять из лука.

– Ты уже видела! Я вчера показывал. Матушка! Позволь завтра пойти на охоту с Хоргом, – попросил Адхи, понимая, что зря ждет милости после глупой оплошности. Да и мать желала ему только добра. Все родители старались показать детям премудрости выживания и навыки боя перед посвящением, чтобы и духи, и старейшины позволили юным членам племени ступить во взрослую жизнь.

– Чтобы Хорг за тебя все сделал? – беззлобно поддела мать.

– Я сам умею стрелять! Ты ведь меня научила.

– Ладно, только пообещай, что принесешь хотя бы двух фазанов, которых подстрелишь сам.

Адхи горячо поблагодарил мать и беззаботно обнял ее, с радостным предвкушением ложась спать. На охоту выходили обычно на рассвете, чтобы вернуться вечером.

Хорг на днях говорил, что заметил гнезда шестикрылых фазанов в десяти-двенадцати перестрелах от деревни. Адхи представлял, как славно поохотится, как он покажет матери добычу. Какой там двух! Дюжину, наверняка он принесет дюжину крупных фазанов! А потом в сонных видениях дюжина превратилась и в сотню, в целую тьму...

Утром Адхи первым побежал к юрте друга и застал его уже в неизменном желтом кафтане и с луком за спиной.

– А я думал тебя идти будить! – залихватски ухмыляясь проговорил Хорг.

– Вот еще! А я-то тебя иду будить, – в тон ему ответил Адхи.

– Вот и отлично, пошли! – воодушевленно хлопнул его по плечу друг. И вместе они отправились выслеживать желанную добычу. Фазаны и куропатки уже не первый раз попадались в их силки. Но больше всего мальчишкам нравилось охотиться с луками, подстреливая добычу в полете. Порой они специально громко топали, пугая птиц.

Но ныне они шли тихо, почти не разговаривая. Сонный туман утра рассеивался, уступая место пока еще жаркому летнему свету Барьера. Степь колыхалась медовыми ароматами созревших трав и вянущих цветов. Порой дни царили такие жаркие, что выжигали все вокруг, превращая вольные просторы почти в пустыню. Но в это лето степь цвела и дурманила мимолетным очарованием, обрушивающимся водопадом запахов и образов. Адхи смотрел из-под руки.

– Какая красота! И это все сотворил Белый Дракон! – восхищенно проговорил он, утопая в бесконечном великолепии, тянущемся до самого горизонта океаном света и океаном травы. Но Хорг внезапно вырвал из мирного созерцания, мрачно бросив:

– Дракон ли? И сотворил ли кто-то вообще? Не верю я старику! Белый Дракон не мог просто так взять и погибнуть. Заговор все это какой-то.

– И что ты думаешь? Какой еще заговор? – поразился Адхи. Умиротворение в душе сменило неприятное чувство, будто он вкусил сочный плод с дерева, но обнаружил внутри лишь гниль и червей.

– Думаю, нам все врут! И океан травы на самом деле создан... ну сам по себе. А никакого Змея Хаоса нет и никогда не было. Придумали его, чтобы детей неразумных пугать, – продолжал Хорг, и Адхи содрогнулся:

– Ты идешь против духов! Как можно так говорить? Ты не пройдешь обряд, если не будешь верить в духов-из-скорлупы.

Он помнил наставления матери, помнил ее суровый взгляд, не веря, что друг всерьез ведет такие речи. Наверняка он специально предложил поохотиться, дабы рассказать, что у него на самом деле на душе. В деревне ему бы досталось тумачков от старших за такие речи.

Адхи старался слушать, ведь друзья и нужны, чтобы слушать друг друга на равных, а не учить с высоты прожитых лет. Но Хорг говорил столь неуважительно, столь небрежно, что у Адхи все больше заходило сердце, терзаемое поднимающейся волной гнева.

– Да слышал я сто раз эту легенду. Вот еще с тех пор, как был несмышленишкой, как твой младший. Старик совсем из ума выживает год от года, – отмахивался друг.

– Да как ты смеешь! Ты же так внимательно слушал Ругона. Побойся немилости духов! – пытался увещевать Адхи, дотрагиваясь до руки Хорга, но приятель нервно отдернул ладонь.

– Надоело мне! Надоело! Духи то, духи это. А что мне сделали духи? Как помогли? Летали стрекозами да пели птицами? В ту голодную зиму...

Адхи знал, что в юрте Хорга минувшей зимой случилась большая беда: мор забрал почти всю его семью. Мать, младшего брата и сестренку-близняшек. Остался только он, старший сын, да безутешный отец.

А ведь орки славились выносливостью, не то что странные человеческие кудесники, познающие тайны Хаоса в скитаниях по пустошам. Наверняка их пестрых кибиток тоже коснулись черные пальцы тяжелой болезни и голода.

Минувшую зиму не пережили многие: и орки, и люди, и животные. Однажды поздней осенью, когда уже плотно лежал полог снега, пошел проливной дождь, застывший твердым щитом, сковавшим землю до самой весны. Лошадям не удавалось разбить твердый наст, покрывший степи искрящимся смертельным зеркалом. Буйволам тоже не хватало корма, а барашки и вовсе сотнями полегли в бескрайних снегах. И те, кто поедал их мясо, немедленно заболели. Но поняли это не сразу, не успели остановить напасть, прокатившуюся тяжелой волокушей по стойбищу племени. Юрту Адхи миновал страшный удел. Он верил, что духи спасли его семью.

Да и хватило матери горя, когда двумя годами ранее умерла их сестренка, не успевшая даже получить имя. Так и говорили родители, что ее к себе забрали духи. И летает она теперь легкокрылой стрекозой в поднебесье, помогает всем разумным созданиям и утешает их горести. Как знать, не ее ли заступничеством миновала их юрту беда.

«Но ведь люди верят в Белого Дракона не по тому, как много судьба посылает им испытаний, а по тому, как им хватает сил их преодолеть», – ужасался словам друга Адхи и говорил:

– Хорг, я понимаю, тебе было тяжело...

– Да что ты можешь знать? Твоя мать осталась жива! – прорычал Хорг и резко дернулся. – И лучше бы она умерла, а не моя! Не моя! Твою, а не мою забрал мор.

– Что ты сказал?! Моя мать! Ты... Ты не веришь в Белого Дракона и желаешь смерти моей матери?! – воскликнул Адхи, уже не в силах сдерживать ярость.

– Да! Что хочу, то и говорю! Ха-ха! – невесело гоготал Хорг. – А если есть Белый Дракон, пусть меня сейчас молнией поразит. Что? Нет? Нет?

Он принялся топтать и скакать на месте, размахивая руками. Сперва подумалось, что друг лишился рассудка. Оставалось только великодушно пожалеть его, сообщить родителям, попросить помощи у шамана в деревне. Но Хорг продолжать исторгать из себя ужасные речи, клеймя имя Белого Дракона, а заодно и матери Адхи, который больше не мог молчать:

– Замолчи, иначе я ударю тебя!

– Да попробуй! Попробуй! И пусть тебя защитит твой любимый Белый Дракон, раз так, – рассмеялся Хорг и первым кинулся на Адхи.

Они сцепились, поднимая пыль, вытаптывая траву. Они не вытаскивали ножи и бросили в ковыль луки. Но оркам хватало и острых когтей. Кряжистые широкоплечие мальчишки впились друг другу в плечи, разрывая кафтаны и царапая толстую, как у буйволов, алую кожу.

Хорг начал теснить друга, словно выдавливая за край незримого круга. Но Адхи не желал уступать, словно каждый шаг назад означал падение в бездну. Он сражался не за себя – за Белого Дракона.

В те мгновения казалось, что, если уступить Хоргу, бесконечный травяной океан Простора развернется, треснет небо, и оттуда устремит на них красно-желтые глаза сам Змей Хаоса. Неужели только тогда бы упрямый хвастливый приятель поверил? Только тогда, когда не осталось бы самого их мира? Нельзя! Нельзя сомневаться в том, что говорят духи устами шаманов.

Адхи зарычал и двинулся вперед, но Хорг ставил ему подножки, дергал за косицы, стремясь вырвать ритуальные бусины и косточки, до крови царапал жесткую кожу.

– Ты не пройдешь посвящения! Духи не примут тебя! – шипя от боли, выплевывал Адхи, стараясь ударить Хорга под дых.

Царапины и синяки уже не замечались. Адхи уже довелось сражаться, когда минувшей весной племя Огненной Травы совершило набег на их стойбище. Но тогда отец велел сидеть в юрте и отстреливаться из лука, когда они с матерью храбро вскинули сабли и ринулись в бой.

Теперь же Адхи впервые схлестнулся с кем-то в рукопашном бою, не в игре, не ради тренировки. По-настоящему. И дрался он с лучшим другом.

Вернее, до недавнего времени этот веснушчатый безумец казался ему другом, но теперь среди степи пришлось сражаться с незнакомцем. Не нашлось того, кто погасил бы их неукротимый спор и разнял драку. Да и Хорг не внял бы ничьим советами.

Рассчитывать приходилось только на себя. Адхи старался дышать в такт шагам. Шаг вперед – вдох. Выпад, удар кулака – выход, яростно, со звериным рыком. Блок предплечьями – еще вдох. Так и оставалось считать вдохи и направлять кипящий гнев в ожесточенные удары.

Но вот кулак Хорга врезался между ребер, заставляя пошатнуться. Дыхание сбилось, превратилось в клубок рваных хрипов. Но Адхи не отступил, он превратил сипение в боевой клич и в стремительном броске кинулся тараном на Хорга. Они оба повалились на землю, принимаясь беспорядочно обмениваться тумаками, выворачивая руки и ноги. Они стремились закрутить противника узлом, вывихнуть суставы, сломать кости.

Кусаясь, царапаясь, лягаясь, они взбивали вытопанную полянку в песчаный вихрь. У Адхи заканчивались силы, но Хорг тоже тяжело дышал.

«Ничего! Мне помогает Белый Дракон, ведь я сражаюсь за него! Помогает! Точно помогает!» – думал Адхи, когда муть усталости застлала ясный взор. И тогда в руках его словно появилась новая сила, а глаза прозрели от тумана измотанности.

Адхи ловко оттолкнул противника ногой, ткнул лицом в землю, стремительно схватил за косицы и, пользуясь мимолетным замешательством, вывернул Хоргу правую руку. Да так, что она заскрипела, а ткань желтого кафтана треснула у лопатки от натяжения.

– А-а-а! Пусти! – вскрикнул Хорг, пытаясь освободиться. Но Адхи, вспоминая уроки отца и матери, уверенно поставил колени поперек спины противника, придавливая того к земле. Хорг молотил ногами и пытался оттолкнуть Адхи, но боль в руке постепенно заставляла прекратить сопротивление.

– Успокоился? – спустя, казалось, бесконечность, спросил Адхи, ощущая, как придавленное его коленом напружиненное тело противника постепенно обмякает.

– Отпусти! Отпусти, это было подло! – бессильно и даже жалко заскулил Хорг.

– Будешь еще говорить, что Белого Дракона не существует? – для острастки уточнил Адхи.

– Отпусти, слабак! – просипел Хорг, за что пришлось еще немного вывернуть ему руку, почти до предела.

– Будешь сомневаться в словах шамана? – не отступал Адхи, готовясь все же прекратить спонтанную пытку. Объяснять в деревне, откуда у Хорга взялся перелом, конечно, никому не хотелось.

– Ай! Нет! Не буду! Отпусти уже! Есть! Есть твой Белый Дракон! – зарычал Хорг, а Адхи едва устоял перед желанием сломать бывшему другу руку.

Да, бывшему другу... Это звучало бесприютно и страшно. И что-то темное и злое шевельнулось в пылающем праведным гневом сердце. Но Адхи повелел себе обратиться к Белому Дракону, заставил хватку пальцев разжаться и отпустил вывернутую руку Хорга.

«Как ты додумался до такого, будто Белого Дракона не существует? Из-за своих сомнений ты можешь стать изгнанником, Хорг! Духи не примут тебя при посвящении. Как ты не понимаешь? И куда ты пойдешь?» – горестно думал Адхи, но до деревни они шли молча. И с того дня больше не обменялись ни словом.

Каменные громады окутывал туман. Дымные клубы курились душащим маревом, в котором тонули очертания предметов. Выщербленные серые глыбы покрывали узоры мхов и лишайников, а между ними проглядывали остатки костей.

Не такое уж и диво! Только Адхи не помнил, когда очутился в этом странном месте. Да и собственного тела он как будто не ощущал, но все предметы и очертания выглядели непередаваемо реально.

Воспоминание? Нет, он запомнил бы это странное место, где и воздух отдавал горечью, и камни выглядели как-то неправильно: слишком однотонно серые, шершавые, но без природных ложбинок, пахнущие не только древней пылью, но и чем-то незнакомым, удушливым, отдаленно похожим на запах зажженной смолы.

Весной при набеге вражеских сил на племя отважные Степные Орки обмазывали смолой тряпицы на наконечниках стрел и поджигали их. Тогда-то горела трава, полыхал ковыль, фазаны с опаленными крыльями взвивались в посеревшее от дыма небо... Но нет, это место не походило на поле брани: не хватало сабель или другого неведомого оружия. Здесь все застыло. И те, кто лежал скелетом, будто сдались без боя на милость гибели.

– Хорг! Хорг, это ты? Друг, почему мы здесь? Мы заблудились, когда возвращались с охоты?

Адхи смутно вспомнил, что поссорился с Хоргом. Они дрались! Следы от царапин и тумачков отчетливо ныли. Да и бывший друг выглядел угрюмо.

Его алую кожу пронизали сизые прожилки, как у мертвеца, что заставило отпрянуть и замолчать. Смотрел Хорг колюче и дико. И как будто сквозь Адхи, не замечая его. А под их сапогами не колыхалась пыль, не слышался гул шагов.

«Это мертвое место, царство теней! Здесь все разрушено и убито», – внезапно понял Адхи, и сознание смерти заставило покрыться ледяной испариной. Он не помнил ни яркой вспышки, ни ослепляющей боли. Не было ни ретивой стрелы, ни смертельного укуса степной змеи. Тогда откуда взялось это место, пронизанное холодными порывами ветра?

Оно напоминало дорогу, но на сваях – по обе стороны парапетов свистел вихрь, а за разбитыми перилами мерцала бесконечная тьма. Да и впереди клубились сумрачные тени.

«Мост! Это мост! Но... разрушенный», – догадался Адхи, хотя в степи редко доводилось видеть мосты, разве что сами кочевники иногда строили плоты-переправы, чтобы перебраться через весеннее половодье у рек.

– Хорг, Хорг, ты куда? – окликал Адхи, замечая, как невольный спутник устремляется вперед, в неизвестность пустоты. Что-то подсказывало: за краем мрака ненадежная дорога обрывается.

Во время ссоры на охоте Адхи возненавидел Хорга и несколько раз пожелал обидчику мучительной смерти, особенно во время драки. Но теперь пугала возможность остаться в полном одиночестве, да и нерадивый приятель не заслуживал бесславного конца.

– Хорг! Стой! Там обрыв! – твердил Адхи, устремляясь вперед, сквозь вязкую пелену беззвучия. Слова тоже утопали, повисали застывшими росинками в густом давящем воздухе. Нет, в этом краю никто не сумел бы предупредить об опасности. И Хорг бежал вперед.

Вскоре и впрямь показался обрыв, уродливый край расколотого пути, выныривающий из страны вечной ночи. Не существовало больше ничего, только изуродованный неведомой силой мост.

– Хорг! – обмер Адхи, когда безумец с разбегу уверенно прыгнул в пропасть. В чем состоял его план? Вел ли его кто-то недоброй чужой волей? Сам ли он поддавался темному голосу Змея?

Адхи подбежал к краю пропасти, опасаясь узреть расprostертое на камнях тело, но внезапно мрак рассеялся, являя продолжение моста по ту сторону обрыва. И там, на второй половине моста, задумчиво склонив голову, стоял Хорг. Он повел рукой, точно приглашая за собой или же насмехаясь над бывшим другом. Казалось, за спиной Хорга разверзлась воронка, и из нее мерцали красно-желтые глаза самого Змея Хаоса.

– Ты слабак. И никогда не сможешь найти то, что у тебя отберут, – прошипел не то Хорг, не то сама тварь.

Заостренные уши сдавила тяжесть этого голоса, затрещавшего невыносимым гомоном сотен варганов и скрежетом металла. А в руках Хорг сжимал неясный сверток, который постепенно обретал очертания и, в конце концов, оказался Дадой.

Младшим братом! Которого Адхи клялся защищать, которого боялся потерять, как сестренку. Он тоже оказался в стране мертвецов. Он тоже погиб неведомой волей судьбы.

– Нет! Отдай его мне! Отдай! Нет! Хорг! Вернись! – вскрикнул Адхи и... проснулся.

Растворились и мост мертвецов, и ужасающий голос. Над головой привычно растянулся купольный каркас войлочной юрты.

Уютно потрескивали угли в очаге, дым улетал сквозь прореху в потолке, вокруг которой висели веревки. Узелками отмеряли время и отсчитывали циклы природы. Они же служили верными оберегами. Но какое-то зло все же проникло в мирные ночные видения Адхи.

Хотя последние три дня ему не снилось ничего мирного: вечно он от кого-то убегал, с кем-то боролся. А теперь еще привиделся какой-то древний мост. Разве такие могли существовать в реальности? За тринадцать лет кочевания Адхи повидал много красивых и необычных мест. Встречались и развалины древних крепостей. Родители объясняли, что это наследие эпохи борьбы Белого Дракона со Змеем Хаоса, как гласила легенда.

Ссора с Хоргом посеяла в сердце тягучую тоску. Адхи тренировался и весело болтал с другими ребятами из племени. И все же радость испарилась, иссякла весенним снегом, ведь веснушчатый безумец казался лучшим другом. Другом, который останется навсегда. Но выходило все наоборот, и с каждым днем их отчужденного молчания в сердце крепла уверенность, что Хорг теперь враг, навечно враг.

– Совсем ты загрустил. В чем дело? Из-за Хорга? – спрашивал отец за утренней трапезой, неторопливо поглощая сочную баранину с рисом, дымящуюся на кожаных блюдах.

– Ты еще слишком юн и все меришь одним днем, точно одним перестрелом. Навсегда – слишком тяжелое слово, чтобы так им разбрасываться, – увещевала мать, пусть Адхи и не посвятил родителей в причины ссоры. – Тебе кажется, что все навсегда и навечно, а потом вы становитесь снова друзьями.

– Или не друзьями, а просто соплеменниками, так тоже бывает, – нахмурился отец, вновь собираясь на дальний край пастбища.

В последние несколько дней на овец нападали крылатые волки. Отец с другими воинами намеревался разобраться с тварями, поэтому готовил тугой лук с крупными стрелами. При нападении этих хищников шестипалым собакам оставалось только заходиться в бессильном лае. Так что пастухи готовились к облаве.

Заботы о быте оставались на матери, и Адхи на время отлучек отца ощущал себя старшим мужчиной в доме. Значит, ему предстояло зорко следить за братом и, возможно, наставлять малыша в тренировках. Хотя мать, сильная воительница, пережившая немало набегов, сама обучала обоих сыновей стрельбе из лука и фехтованию. Пожалуй, с ее советами не сравнились бы робкие попытки Адхи играть в наставника.

– Я скоро вернусь. Сделаем славные плащи из волчьих шкур, – улыбнулся отец, высокой фигурой заслоняя вход в юрту. И вышел на свет, как будто переступил черту другого мира.

У Адхи сжалось сердце при воспоминании о границе пустоты у разрушенного моста. Нет, отец просто отправился на пастбище, хоть и переступил магический защитный круг берегов жилища. Адхи шумно выдохнул и отогнал наваждение.

Он вышел под яркие лучи Барьера, в которых все еще не угадывалось осеннее увядание. Насекомые мирно гудели в траве, соплеменники пасли лошадей и овец. Мать принялась разделывать свежую тушу коня, растянутую на копьях, чтобы стекла кровь.

– Можно мы пойдем за ягодами? Мы принесем целую корзину, честно-честно! – попросил Дада. Ему всегда нравилось обирать низкорослые кустики ярко-алых шишкоягод. А мать редко отказывала младшему, словно вся семья боялась потерять и его, как маленькую сестру.

– Пригляди за братом, – напутствовала мать, кивая Адхи. – Можете пока поискать ягод до полудня, только не уходите далеко от деревни. Дада устанет долго идти, а ты потом устанешь его нести.

– Конечно, матушка! – кивнул Адхи, тайно радуясь, что ему снова позволяют отложить на полдня тренировки. Он любил стрелять из лука, но мать заставляла это делать то с плоской молока на голове, то в обход хитроумных преград, повешенных вокруг мишеней. Наставница говорила: в бою никогда не угадаешь, что придется преодолевать и в каких условиях стрелять. Конечно, Адхи соглашался, учение шло ему на пользу, но мысль о сладких ягодах кружила голову, как малышу Даде, который радостно вопил:

– Пойдем-пойдем! Ягоды! Ягоды – это рыбы в океане травы!

Адхи беззаботно повел плечами и потянул носом воздух за краем стойбища. Орки всегда острее людей ощущали все запахи. Даже не верилось, что эти хрупкие создания с бледной кожей не способны уловить всего многообразия ароматов и копошения невидимой жизни: где-то крот рыл нору, где-то пробежала куропатка, где-то пчелы кружились над колодой, собирая медовую сладость разнотравья.

Ох, вкусно же матушка порой делала взвары из меда и трав. Шишкоягоды отлично подошли бы для лакомства. Только их еще предстояло собрать, но они тоже источали отчетливый аромат, на который побежал Дада. Младший проворно принялся разбирать коготками траву, а вскоре уже складывал в кожаную корзину первую добычу.

– Нашел, я нашел! – довольно твердил он, срывая ягодку за ягодкой.

– Ты молодец, – одобрительно приговаривал Адхи. Он тоже сел на корточки и принялся сосредоточенно разбирать траву. Шишкоягоды тонули в сорняках и колючках, но толстую кожу орка не царапал упрямый бурьян. В степи так и выживали: кто кого переупрямит. И пока удача оказывалась на стороне юных

добытчиков ягод. Время текло незаметно, солнце грело спину, в душе разливался сонный покой. И вдруг...

- Дада? Дада?! Где... где ты? - встрепенулся Адхи, озираясь по сторонам.

Младшего поблизости не оказалось. Вокруг чирикали мелкие пичуги, крот продолжал рыть под поверхностью лабиринты, шелестела трава, а Дада исчез.

Адхи в ужасе вскочил, ощущая себя ничтожнейшим из сыновей, не способным выполнить обещание. Всего-то требовалось не сводить глаз с малыша, который собирал бы ягоды. Но глупый старший брат сам слишком увлекся, желая отведать сладкого взвара на обед.

- Дада! - крикнул в очередной раз Адхи и заметил крошечную тень на горизонте. Как же малыш успел так далеко убежать? Быстро и неслышно, точно его шаги поглотило безмолвие недавнего кошмара.

- Дада! Куда ты? Куда? - взывал Адхи, кидаясь через поле, но брат не слышал. Показалось, он следовал за яркой синей стрекозой. А она насмешливо кружила над ним, не позволяя себя поймать, уводя все дальше и дальше в степь. Адхи радовался, что на такой плоской местности, подобной золотому блюду из шатра вождя, трудно потерять кого-то из виду.

Но ошибся: Дада исчез.

Теперь по-настоящему, бесследно. Просто растворился в волнующемся дымкой душном воздухе. Из груди Адхи вырвался вопль, спугнувший стайку куропаток и поднявший вороний грай.

- Дада! Как же так! Нет! - кричал Адхи, задыхаясь и мечась в поисках брата. Стрекоза тоже пропала, только воздух все больше уплотнялся, делался похожим на вязкую болтушку на молоке и муке. Но Адхи упрямо бежал к месту, где последний раз видел Даду.

«Это все злые духи Хаоса, они забрали его!» - сетовал Адхи, задыхаясь, пробираясь сквозь странно пружинящее ничто. А потом грудь его внезапно сдавил незримый обруч, на мгновение в глазах потемнело. Похоже, он лишился

чувств, а пришел в себя уже в каком-то другом месте.

р

Вокруг высилась в его рост жесткая трава, странная, колючая, отдающая запахом прогорклого масла и металла. Да и трава ли вообще?

Адхи содрогнулся при мысли, что это загробный мир. Он выбрался из пут колючей не-травы, расцарапав руки и порвав и без того латаный-перелатанный кафтан. Его взору предстала безрадостная серая пустошь, покрытая омерзительной коркой вонючей плесени. Адхи поморщился и двинулся вперед на поиски Дады.

Все больше он убеждался, что попал в загробный мир. Безрадостный и неправильный. Загробный мир трусов и безответственных старших братьев, которые не прошли посвящение, не уследив за младшими.

Адхи не ведал, сколько прошел, ориентировался только по запаху: брел прочь от тлетворной плесени. По пути попадались уродливые механические скелеты неведомых зверей со странными черными колесами и огромные выбоины, почти кратеры. Такие воронки не оставил бы ни один камень, выпущенный из боевой машины. Не хотелось даже думать, что приключилось в этом жутком месте. Наверное, злые духи постарались. Может быть, сам Змей.

«Белый Дракон в моей душе! Защити меня, помоги найти брата!» – взмолился Адхи и действительно вскоре вышел с выжженной растрескавшейся земли на желтую траву.

Всюду по-прежнему встречались замысловатые ржавые скелеты то ли живых существ, то ли причудливых орудий, кое-где зеленые стебли оплетали новые кратеры, сквозь траву проступали остатки гладких серых камней. Какой-то дороги?

Много странных находок увидел Адхи за время короткого пути, только Дада не показывался. Неужели он потерялся навечно? Неужели необъяснимая дверь в пространстве раскидала их по разным мирам? Его вела синяя стрекоза... Забрала

ли его к себе сестра? Позвала ли в мир духов-из-скорлупы? Возможно, он уже парил в океане света, в мире чистых душ. А нерадивого старшего брата горький рок выкинул в обиталище злых духов, чтобы тот истлел среди этих развалин.

Адхи уже потерял надежду, как вдруг заприметил на горизонте яркие пологи смутно знакомых жилищ на колесах. Кибитки кудесников! Он помнил их: порой эти странные люди проезжали мимо стойбищ орков. Значит, все-таки не мир злых духов распростерся вокруг плесневелыми просторами.

Адхи поспешил к жилью разумных существ. Что-то подсказывало ему: синяя стрекоза привела Даду сразу к ярким шатрам сладкоголосых обманщиков. И на самом деле дух-из-скорлупы в образе насекомого вел его, старшего, готовящегося к посвящению. Вел и порицал за нарушение наказа матери. Не уследил, не подумал – расплачивайся. Так уж заведено в мире взрослых.

– Дада! – с радостью выдохнул Адхи, когда увидел младшего возле причудливого помоста, составленного из двух открытых повозок с настилом. На нем три кудесника в цветастых балахонах не то репетировали представление, не то проверяли крепость досок, молчаливо взмахивая руками и выписывая коленца ногами.

– Кудесники приехали! – радовался Дада, замороженно наблюдая за яркими огнями, которые взмывали в небо, слетая с кончиков пальцев высоких сухопарых стариков.

– Дада, пойдем домой, немедленно! Кудесники не приехали... это мы... как-то попали к ним, – запнулся Адхи, хватая младшего за плечо с намерением никогда не отпускать.

– О, вот и странники между мирами. Хотя, признаться, мы все еще на Отрезанном Просторе, – отрешенно улыбнулся один из кудесников, подходя к ним.

– Как мы сюда попали, где наше племя? – перепуганно озирался Адхи, прижимая к себе брата. Младший же беззаботно рассматривал диковинные фокусы.

Кудесников побаивались, но их представления, как говорили, пользовались спросом даже по ту сторону гор, в княжьих городах. Вождь Степных Орков как-

то раз тоже позволил кибиткам остановиться недалеко от юрт племени.

И тогда-то удалось насмотреться всевозможных невероятных чудес. Показывали и танец воды, закрученной в крошечные вихри на поверхности широких чаш, и цветы, раскрывающиеся из пламени, и говорящих животных. Правда, одно огнекрылое существо в клетке твердило только о свободе, то проклиная чудесников, то умоляя отпустить.

- А если он тоже все понимает? - ощутил тогда некую несправедливость Адхи.

- Не понимает. Повторяет, чему обучен. Так многие птицы умеют, - утешила мать. - Ишь как подражает.

- Ловят прямо из Хаоса, - дивились соплеменники. - И как им сил хватает? Неужто через Барьер ходят туда... В Хаос!

- Отпустите... Я Огневик! Мне надо найти своего друга, - жалобно стонало создание в заточении.

Но теперь среди кибиток не нашлось клеток. Адхи успокоился: он всегда боялся, что загадочные чудесники поймут его с братом, посадят под замок и будут показывать людям по ту сторону гор, как неведомых зверушек из Хаоса. Никакие они не из Хаоса! Гордый народ орков сотворил сам Белый Дракон из легких перьев и крепкой чешуи.

- Хотите попасть домой? - между тем склонил набок кудрявую голову темнокожий молодой мужчина, подошедший к оробевшему Адхи.

- Наверняка хотят. Но тогда им придется найти иной «прокол», - усмехнулся другой чудесник с рыжими патлами, поигрывая маленькими молниями на кончиках пальцев.

- Где мы? - дрогнул голос Адхи.

- Это место называется Пустынь Разрушенного Моста. Ему больше всего досталось от рук тех, кто пытался спасти наш мир. И здесь есть «проколы».

– А что здесь делаете вы? – подивился Адхи. Он всегда подозревал, что кудесники перемещаются по степи не как обычные караваны. Да и часто их видели в дурных местах, возле старинных развалин.

– Перемещаемся через «проколы». Кто куда. Мы сегодня пойдем в княжий град в Ветвичах. Не думаешь ли ты, что мы, кудесники, будем искать горные тропы, чтобы достигнуть княжеств за Охранными Камнями? – подтвердил догадку темнокожий, поправляя синий тюрбан.

– Я ничего не думаю. Мы должны попасть домой! – воскликнул Адхи.

– Тогда придется пройти через плесневелый пустырь. Неприятное место, но что поделать, – высокомерно ухмыльнулся собеседник.

Все они глядели на орков, как на глупых дикарей. Кудесники будто знали какую-то страшную тайну. Что-то, что существовало за пределами рассказов мудрого шамана Ругона. Но Адхи отгонял наваждение.

– Забирайтесь в нашу кибитку, – кивнул на крытую повозку рыжеволосый повелитель молний. Адхи с недоверием заглянул внутрь, но ни клеток, ни цепей не нашел. Он надеялся, что прыткие ноги и верный лук помогут сбежать в случае обмана. Да и синяя стрекоза для чего-то привела в это место. Дух-из-скорлупы явно испытывал их с братом.

– Хочешь узнать, чем наш мир был до того, как появилась легенда о Белом Драконе? – спросил темнокожий кудесник, когда кибитка тронулась, отделяясь от общего лагеря. Похоже, в Ветвичи направлялись не все кудесники, потому что больше никто не двинулся следом.

– Так вот кого наслушался Хорг! Это вы отравили его разум! – возмутился Адхи.

– Нет, парень. Мы просто кое-что узнали, – помрачнел рыжеволосый, до того забавлявший Даду, который замороженно наблюдал за искрами безобидных молний.

– Вы ничего не могли узнать! – протестовал Адхи, сжимая кулаки так, что когти впивались в ладони.

– Узнали. А ты хочешь узнать, чем был наш мир раньше? – улыбнулся темнокожий кудесник.

– Нет! – противился Адхи, вознося моление духам, чтобы на время пути его сделали глухим.

– Но придется. И да, твой Хорг тоже однажды попал в портал у края вашего стойбища, – мрачно отрезал темнокожий, недобро улыбаясь ровными белыми зубами, пока кибитка ползла через зловоние плесневелого пустыря.

В колесах запутывались колючие металлические травинки, наматывались и рассыпались ржавым прахом. Часто приходилось объезжать воронки и скопления ядовитых лишайников.

И вскоре на горизонте показался до боли знакомый силуэт. Мост! Мост из сна воплотился в реальность. Хотелось верить, что это длится кошмар и скоро настанет пробуждение. Мама потрясет за плечо, они всей семьей поедят баранины, отведают медового отвара. И не будет ни плесени, ни ржавчины. Но реальность наваливалась и закручивалась черной воронкой.

– Я туда не пойду! – воскликнул Адхи, ужасаясь громадине камней. Полуразрушенные выщербленные опоры устремлялись в небеса ногами жуткого чудовища, прислужника самого Змея Хаоса.

– А на мост и не попасть, это же памятник древнего краха мира. На него нет ни подъема, ни спуска. Раньше к нему вела дорога на сваях, но от нее только колонны остались – вон, видишь? А мы идем под мост, там старое убежище. Вот там-то и открываются «проколы», – объяснил рыжеволосый кудесник, спешиваясь. Путь они проделали совсем недолгий, и Адхи не представлял, как удастся вернуться домой, ведь даже в самых далеких вылазках он не видел этого моста. Только во сне. В слишком реальном сне.

– Пойдем, бери и брата. Нам предстоит открыть два «прокола», надо попасть к пульту управления, – поманили за собой кудесники, оставляя безропотных, точно одурманенных, лошадей без присмотра снаружи.

Сами же они начали стремительно исчезать, спускаясь под землю. Адхи показалось, что кудесников поглощает вездесущая плесень, но потом он

заприметил ступени, ведущие вниз, к массивной железной двери. Да что за странные создания жили раньше в этих местах, если все делали из железа? И селились под землей. Загадочное сооружение не нравилось и походило на ловушку. Адхи крепко сжал руку притихшего Дады, готовый в любой момент подхватить брата на руки и бежать прочь, но все же последовал за ненадежными проводниками.

Оранжевые глаза орков хорошо видели в темноте, и вскоре Адхи различил бесконечные пропахшие плесенью туннели, похожие на гигантские кротовые норы. Кудесники освещали путь молниями и огнем, уверенно ведя за собой сквозь подземный лабиринт.

«Это точно ловушка», – опасался Адхи, стараясь запоминать повороты. Но кудесники и не думали нападать или связывать. Немного успокаивала мысль о синей стрекозе, но и только. На самом-то деле под ребрами теснился животный страх. Дада тоже начинал бояться, теснее прижимаясь к брату.

– О, вот и пульт управления, – вскоре провозгласили кудесники, выходя из лабиринта в огромную подземную юрту. Таких жилищ Адхи никогда еще не видел: ни узоров-оберегов, ни каркаса. Но и на выдолбленную в породе пещеру строение тоже не походило. Повсюду вились странные сплетения то ли кожи, то ли мертвых змей.

– Провода не перебиты? Контрольная консоль исправна? – спрашивали о чем-то непонятном друг у друга кудесники.

– Все в порядке. Ну что, покажем этому ретивому парнишке кое-что о нашем мире?

– Н-не надо! Просто отправьте нас домой! – помотал головой Адхи.

– Уж извини, парень, – пожал плечами рыжеволосый, – но это часть магии «прокола». Это повторяется каждый раз, когда мы запускаем его. Хотя какой магии... Ладно, пусть для тебя это будет магией.

И он потянул за незримый рычаг, расположенный на странном гладком подносе, на котором бы уместился самый крупный барашек на пиршестве у вождя. Адхи так и не понял, что произошло, но пространство вокруг наполнилось гулом и

гомонам. Голоса без тел! Призраки! Злые голодные духи затягивали в свой мир.

– Первый-первый, я второй, как слышите, как слышите? Повторяю, как слышите? Прием! – полились слова откуда-то со стороны «подноса». Призрак явно чего-то боялся, нервно добиваясь ответа от незримого собеседника.

– Второй, я первый, слышу нормально, – отвечал второй бесприютный дух.

– Доложите обстановку, прием, доложите обстановку.

– Незвестный объект по левому борту... он... Он раскалывает небо! – голос обрывался, превращаясь в задушенный хрип.

– Первый! Первый! Я вижу, как горит воздух! Первый... – с неподдельным ужасом тонул в трескучем гуле крик второго. Вскоре все стихло, только в воздухе еще звенели неразборчивые шумы, отчетливо скрежетал металл, по каменным стенам подземной юрты шли ужасающие вибрации. На миг показалось, что из лабиринта полезут чудовища. Но все прекратилось, голоса призраков иссякли.

– Так что... что вы хотели рассказать о старом мире? – не понимал Адхи, застыв в оцепенении.

– Видишь ли. Белого Дракона не существовало, никто не пришел на помощь. Но наш мир поглотил огонь. Возможно, Змей Хаоса – это олицетворение какого-то великого бедствия, страшной войны, устроенной людьми, а вы, орки, тоже когда-то были людьми, но изменились, мутировали, – с тоскливым вздохом оторвался рыжеволосый, вновь говоря непонятные возмутительные вещи.

– Горит воздух... Да... – протянул его друг. – А мы просто горстка уцелевших волей Барьера. Мы думаем, что и Барьер построили люди прошлого.

– Это все неправда! Неправда! – вновь молил о глухоте Адхи.

– Была катастрофа, а спасителя не было. Вот что. Можешь верить, можешь нет. Но подумай над тем, что ты услышал. А мы просто кудесники, – пожал плечами рыжеволосый. – Вам с братом пора. Выходим наружу, возле кибитки будет «прокол» обратно в ваше стойбище.

Адхи и Дада поспешили за кудесниками обратно через лабиринт плесневелых стен. Это точно была не юрта – место казалось стильным курганом неупокоенных душ. А кудесники намеренно привели их вниз, чтобы обратить в свою веру. Точнее, неверие. Иначе могли бы попросить остаться у кибитки. Не вышло! Адхи не засомневался в легенде, рассказанной шаманом Ругоном. Что эти подземные голоса доказывали? Да, горел воздух и разверзлось небо. Так и описывали пришествие Змея Хаоса. Да, случилась великая война и, наверное, в прошлом воевали иным оружием. Даже если прежде разумные существа селились в высоких юртах и летали по небу на железных птицах, как рассказывали кудесники, Белый Дракон мог существовать.

Да, конечно, мог. Возможно, Адхи в этот день прошел первое испытание: духи проверяли его веру перед посвящением. Иначе для чего синяя стрекоза привела в это сумрачное место?

Нет, кудесники не переубедили. Адхи только недовольно фыркнул и покрепче прижал к себе Даду, когда они вновь шагнули в густой кисель «прокола». Вскоре кудесники с их мрачными тайнами остались далеко-далеко, на плесневелой пустоши, а братьев ласково гладил теплый свет полудня. Адхи даже не опоздал на тренировку, назначенную матушкой.

Он поклялся, что ни за что больше не попадет на пустошь у моста. А еще он верил, что никто не отберет у него младшего. Никто и никогда. И все вернется на круги своя: обучение стрельбе и фехтованию, кочевая жизнь, легенды шамана – понятный и правильный мир.

– Давай ничего не будем рассказывать маме? – первым предложил Дада. – Я послушался, убежал от тебя...

– Давай, это будет наш секрет. Дурной сон, – согласился Адхи, и на душе сделалось тепло и спокойно. Может быть, он вновь просто грезил, им с братом приснился один сон на двоих.

– Вернулись? Ох, а ягод-то совсем немного набрали, – пожурела их мама по возвращении. – На взвар не хватит, ешьте так.

– Да, съедим, – слишком сладко протянул Дада и крепко прижался к маминым ногам. За этот долгий день он соскучился, Адхи тоже хотел бы обнять матушку.

Он-то испугался, что больше никогда ее не увидит. Ни ее, ни отца, ни односельчан. Но все обретало понятные очертания. Ничего не изменилось.

Хорг действительно сошел с ума, если потерял веру из-за ненормальных кудесников с их гадкими кудесами и загадочными перемещениями. Или он увидел что-то еще? Что-то еще подкосило его у разрушенного моста?

Адхи терзали смутные предчувствия. Он убеждал себя, что все обошлось и синяя стрекоза ничего не значила, но стоило сомкнуть глаза, как он снова увидел туманную дымку, повисшую в беззвучии каменных развалин.

Теперь к картине примешался отчетливый запах плесени, но звук шагов по-прежнему тонул во мраке. Адхи помнил, что мост обрывается провалом в середине этой бесконечной дороги над великим ничто. И снова Хорг убегал в неизвестность, прыгал в пропасть, чтобы через «прокол» вынырнуть на другой стороне. И снова Адхи вздрагивал от ужаса, замечая в цепких руках безумца испуганно молящего о спасении Даду.

Что же он делал в этих сумрачных снах? Вот уже второй раз повторялся кошмар, но Адхи уже знал, что разрушенный мост существует и безумный Хорг приходил к этому застывшему монстру. Первый сон оказался предчувствием их путешествия. Что обещал второй сон? Тело леденело от ужаса.

– Нет! Дада! Верни его! – выл Адхи, кидаясь к краю моста. Но он боялся прыгать в пропасть, снова не в силах защитить брата. Не успел, не уследил, не спас! Нарушил собственную клятву никогда не покидать.

– Адхи! – разорвал оковы видения голос матери. И сперва чудилось, что она тоже снится, но глаза озирали потолок юрты. Реальность ворвалась стужеными оковами страха.

– Мама?

– Адхи! Адхи! Вставай! – трясла его мать, а рука ее дрожала.

– Мама? Что... что случилось? – вскочил Адхи, хватаясь за лук у изголовья.

– Дада пропал! Односельчане тоже его не видели. И дверь в юрту была закрыта, он бы не смог ее бесшумно отворить. Никто бы не смог! Ох, Дада! Где же ты? Где? Куда убежал?..

«Дада... Разрушенный мост, – ужаснулся Адхи, не представляя, какие испытания его ждут. – Я снова должен пойти к разрушенному мосту? Хорг... Мост... Змей Хаоса... Я должен найти брата! Должен...»

Глава 4. Шепот лживых теней

– Несносный мальчуган! Он наверняка побежал за ягодами... да, за ягодами... – твердила мать, но не верила себе, содрогаясь всем телом. И она, и Адхи понимали, что Дада не исчез бы из закрытой юрты.

Сперва они обшарили все укромные места в тесном жилище, проверили под подушками и в сундуке, еще перешучиваясь и надеясь, что младший всех разыгрывает. Но с каждым мигмом уверенность таяла, хоть мать и звала непривычно-жалобным голосом:

– Дада, малыш, выходи! Не прячься от нас!

– Дада, не время для игр! – поддакивал Адхи, но в голове металась иные догадки: «Его похитили через дымоход. Или... Или через прореху в пространстве».

Отверстие в крыше всегда считалось священным символом неба, отворяя связь между мирами. Ни один уважающий себя орк, даже из враждебного племени, не посмел бы похищать ребенка таким способом. Зато Адхи слишком отчетливо помнил, как они угодили в «прокол» ткани мира. Помнил плесневелую пустошь у разрушенного моста.

«Кудесники! Это все они! Они еще тогда хотели посадить его в клетку и... И... Или не кудесники... Но Дада там, я знаю», – помотал головой Адхи, в ужасе отгоняя наваждение. Даже если брата похитили и унесли вновь к кудесникам,

вернуться не получилось бы: «прокол» растворился, стоило пропащим мальчишкам ощутить привольный дух родных степей.

Тогда-то сердце успокоилось, улетучилась тревога – ненадолго. О, ненадолго! Как ненадолго случается покой в природе, сменяемый пыльными бурями и гибельными смерчами.

Адхи в раннем детстве видел, как от темной фиолетовой тучи отделяется страшный отросток, вгрызающийся в землю. Пыль взвивалась в воздух, стонала степь, кричали соплеменники, в бессильной панике заходились кони и овцы. Но тогда ураган прошел стороной, хотя все уже готовились мчаться прочь, бросая стада и юрты. Нет, тогда их племя Степных Орков уцелело, но теперь незримый вихрь ворвался в жизнь одной семьи.

В жизнь самого Адхи. Кто-то словно начал испытания раньше срока. Порой для посвящения шаманы шли на уловки, придумывали препятствия, намеренно прятали младших братьев и сестер, а родители указывали, куда надобно пойти на «спасение». Обычно все заканчивалось полуритуалом-полуигрой, а младшие получали угощение и счастливые возвращались домой. Страшим сообщали, что духи их приняли. И жизнь продолжалась. Но не теперь...

– Дада! Где ты? – завывала мать, расспрашивая соплеменников: – Вы не видели моего сына?

– Да сбежал твой малец, заигрался. За стрекозой, наверное, понесся, – успокаивали встреченные орки, но их голоса звучали недостаточно уверенно. Даду никто не видел.

– В чем дело, что за крики? Малыш Дада пропал? Полноте! Как проголодается, сам вернется. Потеряться здесь негде, – махнул могучей рукой сам вождь.

– А мы его не видели.

– Да, не видели. Неужели он бы не позвал нас с собой, если бы захотел поиграть? – загалдели наперебой друзья-ровесники Дады.

– Недоброе я чую, духи беспокойны, – промолвил старик Ругон, выходя из юрты. Он тяжело опирался на сучковатый посох, вытесанный из цельного дерева. Его оранжевые глаза застыли великой скорбью.

И от слов шамана мать замерла на месте, заламывая руки и бессильно скуля. Она никогда не сдавалась, в битвах и на охоте никто не сумел бы запугать ее. Когда речь шла о безопасности детей, в ней и вовсе пробуждалась неукротимая древняя сила. Но теперь она не представляла, что произошло.

– Мы отправимся в степь и найдем его, – пытался успокоить Адхи и не решался поведать, о чем на самом деле думает. Он все еще не рассказал ни про безумие Хорга, ни про встречу с кудесниками. Возможно, зря. Может быть, шаман сумел бы все объяснить, но Адхи овладела странная трусость. Он решил, что его неприятные приключения не помогут, а лишь посеют новые сомнения. Мать и так уже с трудом понимала, где находится. Она то хваталась за саблю и собиралась нестись за пределы стойбища, то бормотала:

– Ничего,ждемся отца, он скоро вернется с волчьими плащами. С его друзьями мы все обыщем... Да... Да, так и будет.

Она мотала головой и вновь принималась носиться между юрт, обходя стойбище по широкому кругу.

– Оставайся здесь и жди, если вдруг Дада сам появится. Ох и всыплю я ему, если найду! – сказала мама, вскочив в узорчатое седло гнедого коня. Адхи же снова оставляли, отгоняли, как слабого несмышлениша.

– Но матушка, куда ты поедешь одна? – виновато вздрагивал он.

– Я не поеду далеко. Дада не мог убежать сам дальше, чем на три перестрела. Нет, не мог... Может, четыре перестрела, но он бы не стал так поступать с нами... Зачем?

Мать терла то лоб, то глаза, словно заставляя мысли течь в правильном порядке. Мощный конь под ней недовольно переступал жилистыми толстыми ногами и всхрапывал, ощущая неуверенность наездницы.

– Матушка, остановись! Если Даду похитили, это ведь заметили бы часовые? – схватил коня под уздцы Адхи, заставляя мать спешиться.

– Да. Наверное, да. Но кому это могло бы понадобиться?

«Хорг! Точно! Я должен проверить, где этот безумец», – вскинулся Адхи, понимая, что теперь все в его руках. Он знал то, что утаивал от родителей, глупый трусливый мальчишка. Хотя вряд ли они поняли бы, что означал рассказ кудесников и о чем твердили голоса призраков около моста.

– Подожди! Я скоро! Только никуда не уходи, – попросил Адхи, оставляя растерянную мать возле юрты, и опрометью бросился к жилищу Хорга.

Наверняка сумасшедший выманил Даду, может, наплевал на священные символы и вытянул малыша по канату через отверстие в потолке, а потом унес в степь. Тогда стоило поискать следы.

Орки неплохо читали знаки на смятой траве, да и сами оставляли размашистые отметины тяжелых шагов. Хорг не сумел бы улизнуть незамеченным. Если только... Если только он шел пешком, ведь во сне он переносился через «прокол» волей неведомой магии. К тому же все лошади стояли у коновязи, и серый конь Хорга понуро перетапывался в их числе.

«Окажись в своей юрте, пожалуйста», – заклинал Адхи, надеясь, что уйдет хотя бы тревога из-за видений. Но через них кто-то словно пытался предупредить. Духи говорили, но он не понимал, в чем состояло их предупреждение, как он сумел бы предотвратить неизбежное.

– Хорг! Выходи! – позвал Адхи, когда подошел к неопрятной одинокой юрте.

– Он не с тобой?.. – вышел хмурый отец Хорга, осунувшийся, постаревший. В густых черных косах блестела ранняя седина, кафтан неаккуратно зиял прорехами, а из юрты несло чем-то тухлым.

– Нет, мы поссорились несколько дней назад. А он разве... не возвращался? Мы же вместе вернулись с охоты на фазанов, – вздрогнул Адхи, рассматривая угрюмого отца Хорга.

– Я его не видел уже два дня. Конь его на месте. Но он парень-то большой, я думал, сам разберется... думал, как вернется, так я ему всыплю. Кто еще пропал?

– Мой брат! Дада! – закрывая глаза и едва не шмыгая носом, отозвался Адхи. Страшные догадки подтверждались.

– Все пропадают, всех забирает Хаос, – пробормотал отрешенно отец Хорга. Похоже, уже два дня он молча сидел в юрте, не показываясь соплеменникам, и Адхи заподозрил, что и отец, и сын еще зимой немного тронулись.

– Проваливай, если больше ничего не хотел сказать, – угрюмо отозвался новый безумец, захлопывая дверь. Адхи отпрянул, как от удара.

«Куда бежать? Как искать? Кто поможет?» – обескураженно думал он. Худшие предположения подтверждались. Духи кричали об опасности, а что делал он? Просто спал! Но видения окутывали такой плотной чередой, что не удавалось вырваться. Возможно, их посылали вовсе не духи, а злокозненные прислужники Змея Хаоса.

«Слушайте, дети, слушайте. Говорю я вам о слугах Змея – о тех, кто отринул искру Белого Дракона в душе, чтобы получить великую силу», – так помнились давние рассказы шамана, которые тот повторял в начале весны.

Каждую легенду повторяли в свое время года. Но теперь все они выстраивались в череду событий. Возможно, Хорг наслушался кудесников и захотел получить частицу их силы, а для этого ему предложили доставить орочьего ребенка, чтобы бесчестно показывать на ярмарках в княжествах людей. Но сердце заходило и подсказывало, что истинные причины лежат намного глубже. Вновь мир вокруг закручивался смертельной воронкой смерча.

– Хорга нет на месте. Это он! Он похитил Даду! Надо поискать следы, – затараторил Адхи, подбегая к бессильно сидящей на траве матери.

– С чего ты решил, что он? Вы поссорились, да... но зачем ему похищать Даду? Хорг всегда был веселым добрым мальчиком и...

– Он сошел с ума зимой во время мора! И его отец сошел с ума! – выпалил Дада. – Мне кажется, у него в юрте разлагается труп жены или детей, не знаю. Может, на погребальном костре были чучела.

– Ты говоришь ужасные вещи, сын.

– Поверь, Хорг мог похитить из-за мести. Я был в их юрте, Хорга нет уже два дня, коня он оставил...

– Постой-постой! Но ведь Дада был вчера с нами. А что случилось с Хоргом, мы потом узнаем.

И тогда Адхи осекся на полуслове. Слова матери звучали убедительно, а вот его скоропалительные обвинения выглядели не менее сумасшедше, чем недавние выкрики Хорга. Если только проклятое создание, прикидывавшееся другом, не научилось самовольно открывать «проколы» и появляться ровно в тех местах, где требовал его изощренный план. Но какой? Если бы он хотел отомстить мирозданию за несправедливость мора, то мог бы просто убить бедного Даду.

Но похищать... зачем? В каком изощренном бреду? Изъязвленное воображение рисовало невыносимые картины окровавленного тела маленького мальчика, растянутого в развилке иссушенного дерева или брошенного в гигантский муравейник. Нет, нет! Здесь тоже что-то не сходилось, но Адхи всегда плохо разгадывал тайны. До недавнего времени в его мире было все понятно и предсказуемо.

– Все, сын, мы и так потеряли много времени. Я отправляюсь на поиски. Ты тоже бери коня, поезжай в другую сторону полукругом, так и встретимся, – решительно кивнула ему мать. – А там и отец вернется...

Она надеялась на возвращение мужа, как на милость судьбы, хотя обычно сама справлялась со всеми испытаниями. Но теперь она осталась совсем одна, соплеменники не понимали, отчего она так испугалась, ведь проказливые сорванцы постоянно что-нибудь придумывали. Только и она, и Адхи знали: нет, не в этот раз.

– Смотри! Там! – воскликнул он, когда мать вновь решительно направилась к коню.

У горизонта вилась пыль из-под копыт десятка всадников, вооруженных луками и саблями. Развевались гривы мощных коней-тяжеловесов – гордости орочьих племен. Быстрые и выносливые, они сумели бы пересечь степь от края до края. Возможно, они бы домчали и до Пустыни Разрушенного Моста. Хорг наверняка укрылся в лабиринте под землей. Хотя версии наползали вспышками и уносились прочь, как грозовые облака, не позволяя схватиться за них.

– Они возвращаются! Отправимся все вместе и найдем Даду, – тускло улыбнулась мать.

С отцом на облаву крылатых волков отправились его верные друзья, в мирное время пастухи и одновременно лучшие воины племени. От их опытного взора следопытов не укрылся бы ни один беглец. Адхи безуспешно утешал себя: вот теперь все переходило в руки взрослых. Вместе они бы лучше разобрались. Но по мере приближения всадников не покидало ощущение, что разбираться предстоит ему и только ему, в полном одиночестве.

Весь мир терял очертания, распадался, и проступали контуры иных реальностей, иных миров. Нечто темное и мрачное тянуло из кошмаров длинные липкие пальцы. Адхи дернул плечами, приходя в себя. Если его и испытывала некая бесконечно темная сила, всегда оставалась искра Белого Дракона, к которой он сумел бы воззвать в самый темный час. Так учил шаман Ругон, так верил народ орков.

Но едва блеснувшая надежда потонула в новом отчаянии, когда всадники приблизились к стойбищу. В руке у отца оказался длинный рог, в который он протрубил три раза, а потом еще два – сигнал тревоги. Опасность! Враги! И вскоре возле края неба поднялась новая песчаная буря из-под копыт других всадников.

«Духи! За что нам все это?» – молча простонал Адхи, хватаясь за сведенный судорогой живот.

– Тревога! Тревога!

Вместо волчьих плащей отец принес дурные вести, а за ним тянулась новая опасность. Враг напал на стойбище, неумолимо приближаясь сквозь пыльные

вихри.

– Тревога! – взывал отец с друзьями. – Племя Огненной Травы!

– Что случилось?! – перекрикивая общий гомон забурлившего племени, воскликнул Адхи.

– Хватай лук и защищай брата! – только рыкнул отец. – Крылатые волки были только уловкой, вот что.

– Отец, у нас... Дада... – попытался сказать Адхи, но отец уже унесся к юрте вождя. Рассказывать перед битвой о том, что пропал младший сын, было слишком жестоко.

– Сиди в юрте, я не могу лишиться еще и тебя, – строго приказала мать, похоже, уже считая Даду мертвым. Еще недавно она собиралась унестись на поиски, но теперь, похоже, уже не чаяла найти сына живым в общей суতোлке нападения.

Племя Огненной Травы недобро славилось жестокостью, подлостью и нежеланием жить честным трудом кочевых народов. Они исстари привыкли грабить, отнимать и присваивать чужое.

Зато Степные Орки не собирались сдаваться. Весной отразили набег, значит, и теперь сумели бы. Наверняка сумели бы! Так хотелось верить Адхи, он не мог потерять за столь короткое время еще и отца с матерью. И сам не намеревался пугливо прятаться в ожидании неминуемой участи.

Он решительно взял верный лук, пока еще мальчишечий, небольшой, непохожий на великолепные длинные луки друзей отца. Теперь они снова зажигали стрелы и осыпали крылатой смертью противников.

– По коням! – командовал вождь. – Отразим нападение во имя духов!

Орки никогда не сдавались, даже немощные старики не прятались в юртах, готовясь оборонять стойбище, пока воины летели навстречу врагам.

– За племя Степных Орков! – прошептал Адхи, отправляя первую стрелу в полет. Он целился в крупную фигуру на коне, несущуюся впереди неразборчивой своры захватчиков.

Стрела врезалась в цель, но отскочила от шлема, и всадник остался на коне. Адхи тихо выругался и выпустил еще одну стрелу, которая уже попала точно в цель, но потом со своего расстояния он уже не различал, где противники, где свои. Сперва это удавалось по цвету кафтанов, но вскоре все поглотила горькая пыль, напоенная запахом свежей крови, металла и лошадиного пота.

Адхи только натянул тетиву, ожидая, когда из общего марева выскочит отдельная тень, стремящаяся прорваться к стойбищу. Орки Огненной Травы не любили открытых противостояний. Пока одни всадники отвлекали сильных воинов, несколько отрядов устремлялись к поселениям, чтобы забрать ценности и еду, а потом унести прочь.

– Не получите! Ничего не получите! – проревел Адхи, выпуская новую стрелу в первого всадника, пересекшего край стойбища. Ему вторили и другие мальчишки, осыпая градом стрел бесчестных захватчиков. Старики и старухи тоже не отставали. В противников полетели тяжелые камни, вскоре целый отряд заволкло облаком зеленого тумана из разбившейся склянки.

– Мои глаза! – завопили орки.

– Вы попрали законы духов и расплачиваетесь за это! – угрожающе возвестил шаман Ругон, приканчивая одного из врагов сучковатой палкой, а другого добивая когтями. Вот уж не ожидал Адхи такой прыти от старика, который обычно пребывал во сне наяву. Но в этот день сами духи порицали вторжение.

– Уходите! Немедленно! – ревела одна из старух, прицельно засыпая противников дымным зеленым туманом. Со времени весеннего набега шаман явно придумал диковинное оружие. Но Адхи предпочитал лук, при этом готовясь пустить в ход короткий охотничий кинжал и когти.

Только бы пережить все это! Только бы мать и отец вернулись невредимыми! Тогда бы они вместе нашли и Даду. Может быть, ему и повезло, что он покинул стойбище до нападения. Может быть, его снова увела синяя стрекоза-хранительница.

Но не верилось. Ни утром, ни в тот миг, когда Адхи вновь натягивал и отпускал тетиву, забывая считать вдохи и думать об уроках и запретах матери. Он просто стрелял. Главное, что попадал в цель, перебегая от юрты к юрте, скрываясь за мешками скарба, некоторые из которых уже похитили или подожгли. Горели и юрты.

Похоже, Орки Огненной Травы поняли, что здесь им дадут отпор. Они надеялись выманить лучших воинов, натравив на стадо крылатых волков, но отец разгадал хитрый план и не оставил стойбище беззащитным. И теперь противников теснили, за что они решили поджечь то, до чего уже второй раз не дотянулись не в меру длинные руки.

– Тушите! Тушите же! – донеслись голоса стариков, кинувшихся за песком и одеялами, чтобы укротить власть жадного огня. Молодежь продолжала стрелять из луков. Адхи же оказался вновь у юрты Хорга, изнутри которой валил черный дым.

– Что ты делаешь... выходи! – закричал Адхи, когда заметил тень возле дверей. Безумный отец Хорга даже не пытался вступить в бой! Его конь бессильно кричал, мечась у коновязи. А сам отец Хорга кашлял от дыма, но не выходил из юрты. Адхи кинулся к нему, стараясь не дышать. Дым прошелся едким маревом по глазам, застилая отчетливые очертания пеленой слез.

– Не-е-е-ет... дайте мне умереть вместе с ними. У меня никого не осталось, – стонал и охал безумец, когда Адхи схватил его за край кафтана и с силой дернул прочь. Исхудавший мужчина безвольный выкатился наружу, как мешок соломы, и бессмысленно замер у коновязи.

– Тебе рано умирать! Нам еще надо найти Хорга и Даду! – прохрипел Адхи, но на дальнейшие увещевания не оставалось времени. Он вновь выхватил из-за спины лук, вновь положил стрелу на тетиву, выискивая цель.

Один из завоевателей на ретивом коне несся прямо на него, размахивая саблей, срубая головы тех, кто не успевал отскочить. Уже замерла на земле в кровавой луже одна из старух; извивался в предсмертных судорогах соседский мальчишка; едва не лишился жизни сам шаман Ругон, чудом успев пригнуться. Сабля лишь разрубила его посох.

Адхи же непоколебимо стоял и ждал, когда опасная цель в пластинчатых доспехах достаточно приблизится к нему.

«Еще немного! Я смогу! Смогу!» – твердил он себе, а в несущемся с лихой ухмылкой противнике видел не орка – Змея Хаоса. Нечто темное и бесконечно страшное, казалось, спускалось сквозь трещину в Барьере, с расколотых небес. И в этой битве Адхи не имел права проиграть, даже если мать просила не геройствовать. Искаженное горем потеря сознание твердило, что только так он найдет живым Даду. Или не найдет?..

Рука дрогнула, но Адхи успел прицелиться – и стрела устремилась вперед, прямо в оранжевый глаз врага. Но внезапно противник мотнул головой и наконечник отскочил от цельного литого шлема.

Мимо! Адхи промахнулся. И теперь стоял, не в силах пошевелиться перед занесенной саблей. Все заканчивалось, череда потрясений, череда испытаний. Змей Хаоса поглотил его, унося в страну вечной ночи. Чудовище скалилось и ухмылялось, вторя смеху врага.

– Думал победить меня, сопляк? – пророкотал над ухом яростный голос, и весь мир сузился до острия занесенной сабли.

Все напрасно! Напрасно Адхи ждал грядущую весну, напрасно пытался разгадать сны, напрасно надеялся спасти Даду. Великое зло избрало его своей марионеткой, чтобы мучить и терзать метущуюся душу. Возможно, смерть от клинка избавила бы от попадания в обиталище бесприютных душ. Он погибал в бою!

Внезапно воздух снова сделался вязким и густым, а грудь сдавили знакомые обручи. На мгновение все стерлось, рассеялось. Пропал солнечный день, отмеченный копотью пожарищ и запахом крови.

– Отец! Мама! – воскликнул Адхи, понимая, что снова оказался на плесневелом пустыре. Уже не во сне. Снова его поглотил «прокол», открывшийся в миг перед смертью.

Или он уже умер? Адхи поднял глаза и увидел над собой только черный полог туч. В нос ударил застывший запах плесени, под ногами заскрипела жестяная

ржавая трава. Вроде бы кудесники называли эти неприятные штуки колючей проволокой, а круглые полуистлевшие блюда – покрывками. Но значение слов не имело здесь никакой силы. Все заканчивалось, все истлевало.

«Я умер», – заключил Адхи. Теперь он уже не сомневался, что на пустырь у разрушенного моста попадают все расколотые души. Он ослушался наказа матери, он изменил собственной клятве и не защитил брата, не проснулся в час опасности. Судьба не принимала оправданий, не слушала, будто Адхи просто слишком крепко заснул из-за пережитых потрясений.

Теперь ему оставался только мир голодных духов среди плесневелых развалин. За что? За какие злодеяния? Адхи не ведал, и все его существо словно бы погасло.

Еще несколько мгновений назад он целился из лука, превращаясь в сгусток напряжения. А теперь он иссяк, исчерпал все силы для борьбы. Где-то далеко оставалось стойбище, где-то сражались отец и мать. Возможно, занимался огонь возле их юрты. Все распадалось и плавилось, уже не верилось, что родители переживут эту битву.

Но только им всем суждено попасть в мир духов-из-скорлупы, а ему, сбежавшему трусу, до скончания веков скитаться среди плесени. Почему трусу? А кому еще, если по зову его жалкого сердца открылся «прокол»? Адхи ненавидел себя, готовый упасть на колени и обматываться колючей проволокой. Неведомые силы заставляли его проходить испытания, и, похоже, он не выдерживал.

Он уже не шел прочь от удушливого смрада, потому что догадывался: пестрые кибитки кудесников уехали, разлетелись по разным местам через проколы или унеслись на колесах. Он остался в полном одиночестве. Изгнанник без имени, мальчишка, обреченный скитаться без благословения шамана, он оказался на пустоши и не знал, как открыть «прокол», чтобы вернуться к стойбищу, чтобы принять свою судьбу или продолжить биться вместе с соплеменниками.

– Ты трус, Адхи, жалкий трус, который не смог никого защитить, – шептали духи плесневелого пустыря.

– Ты ничтожнейший из своего племени, тебе ни за что не пройти испытания, – доносилось шуршание змеиных шепотков. Они впивались отравленными зубами под кожу, расчерчивали разум осколками образов.

– Ты никто! Никто! Просто тень! Оставайся с нами, больше тебе нигде нет приюта, – продолжали твердить голоса, множество голосов. На самом ли деле? Или только в голове? Или сам Змей Хаоса, властвуя над этим местом, посылал дурные видения, склоняя на свою сторону?

Адхи взывал к искре Белого Дракона, но здесь, среди смрада и плесени, под гнетом чувства вины, не хватало силы для легенд шамана. Мелькали только насмешливые сомнения кудесников. Когда-то здесь – и везде – горел воздух, когда-то мир погибал... Мир погиб, как и стойкость Адхи. Он опустился на колени, обнимая себя руками.

«Мама, папа! Неужели вы тоже погибли в этой битве?» – подумал он. Предчувствия тонули в видениях серого песка, безрадостного, будящего отчаяние. Все рухнуло, в этом месте все твердило о тщетности усилий. Он подвел всех, даже если никто не возлагал на него непосильной ноши.

– Ты сдался, ты трус. Но пойдем к Змею, он даст тебе силу, он даст тебе власть, – все шептал и шептал навязчивый голос.

– Нет! Ни за что! – воскликнул Адхи и вновь вскочил на ноги.

Он двинулся вперед, к разрушенному мосту, который остался последним ориентиром. Судьба, даже невыносимая и несправедливая, вела к громаде древних камней. И вскоре Адхи пришел к подножью.

Возле моста клубилось воронкой искажение нового «прокола». Адхи не удивился: ведь кто-то вел его, кто-то темный и безжалостный. Он ступил в воронку, не задумываясь, куда унесет очередной вихрь. Кто-то заманивал его, кто-то тянул к себе. Ради чего? Ответы терялись, но Адхи и не спрашивал.

Он вынырнул из воронки, оказавшись на вершине моста без начала и конца, без шанса спуститься. Под ногами лежали полуистлевшие кости, увитые ядовитыми плющами и лишайниками. Вокруг клубился удушливый туман, только в провале под мостом не разверзлась бездна – внизу текла река, отделяя незримой

границей край разных миров.

– Хорг! – вскричал Адхи, но уже без надрыва, без изумления. С самого утра он знал, что все ведет к этой встрече, даже внезапное нападение. Второй день сбывался его худший кошмар.

– Вот и ты, – ухмыльнулся Хорг, устремляясь к краю перед обрывом. Показался он из воронки «прокола» уже с другой стороны, а в руках держал упирающегося перепуганного Даду. Младший рычал, кусался и лягался, но Хорг не двигался, точно не ощущая боли.

Брат! Все догадки выстраивались в упорядоченную череду страшных совпадений. Сумасшедший Хорг похитил Даду. Но для чего? Подсказок не приносили даже дурные сны.

– Хорг, зачем ты делаешь все это? – бессильно спросил Адхи, простирая к Даде руки.

– Кое-кто желает тебя видеть. Ты можешь быть ему очень полезен. А если окажешься поумнее, то и самому себе. Если хочешь вернуть брата, последуешь за мной, – с непривычной четкостью отрезал Хорг, как самый пронырливый советник вождя, но все его тело дергалось, и губы едва ли шевелились, словно бы из горла шел совершенно чужой голос. Выглядел бывший друг как оживший мертвец.

– Хорг, если это из-за драки, то я все прощу. Только не надо мучить Даду! – взмолился Адхи, очнувшись от липкого забытья. И новый злой мир вокруг окатил ледяным настоящим. Но не оставалось ответов, только стылое бессилие.

– Н-нет, ты не понимаешь... Он... Он зовет меня! Он...

Лицо Хорга, пронизанное черными венами, исказилось судорогой. Но вскоре он рассмеялся и отступил в новый «прокол».

– Адхи! Брат! Брат, спаси-и-и! – только донесся из черной воронки задушенный вопль Дады.

Глава 5. Сквозь «проколы»

Адхи проснулся в пестрой кибитке на рассвете, когда ярко светило солнце, пробивающееся через разноцветные узоры полога. Под голову кто-то заботливо положил подушку и от шеи до пят укутал лоскутным одеялом. Но по телу пробежала дрожь, в ушах звенело, а нутро скрутилось узлом при попытке встать. Адхи не привык долго спать, и ему стало страшно.

Он же помнил себя на мосту! Усилием воли он вскочил с ковра, укрывающего настил кибитки. Накинув на подрагивающие плечи одеяло, Адхи выглянул наружу, неуклюже прыгая с края телеги, и поднял глаза.

Вокруг расстилались зеленые луга, светило солнце. Позади высились знакомые горы, а впереди маячил вечным сумраком плесневелый пустырь. Всем вокруг владела тишина. Такая же звенящая, как те голоса, что шипели возле моста.

Голова закружилась, Адхи схватился за край полога и едва не порвал занавесь, но не упал. Он снова лег, укутываясь одеялом, и закрыл глаза. В сознании мерцали образы: битва, похищение, мост. Их кружение отзывалось тошнотворным хороводом, смешивалось кошмарами, но не хватало сил, чтобы проснуться.

Адхи думал, что немного подремлет, но очнулся уже поздним вечером. Тошнота и головокружение вроде бы прошли, предстояло разобраться, где он очутился. Хотя он узнал пеструю кибитку кудесников. Его похитили для продажи на ярмарку? Или же и впрямь стремились помочь? Адхи надеялся в ближайшее время понять, но для этого требовалось выбраться наружу.

Вновь его взору предстали бескрайние незнакомые просторы, уже укутанные пеленой сумрака. Закатные лучи Барьера дотлевали у западной кромки неба, расчерченного грядями облаков. Какое-то время Адхи замороженно стоял, рассеянно уставившись вдаль. Постепенно разум прояснялся, выстраивал осколки произошедшего: младший брат пропал, на родное стойбище совершило набег Племя Огненной Травы, а он каким-то образом перенесся через «прокол» вновь к мосту. Надо было хотя бы узнать, кто его спас. Он ведь помнил сломанного великана без начала и конца – никто не сумел бы спуститься с

моста, особенно без веревки. Значит, его сняли.

– Надо же так надыхаться плесени. Ух, и какие видения ему могли явиться, – переговаривался кто-то по другую сторону кибитки. Оттуда тянуло приятным ароматом еды. Мерцали блики небольшого костерка.

– Это не видения! Хорг похитил моего брата и скрылся в «проколе», – обиженно отрезал Адхи, выступая из-за кибитки. Он не доверял кудесникам, но те, похоже, спасли его.

– Гляди-ка, очнулась наша находка. Невезучий орочий ребенок. Так вот почему мы нашли тебя на мосту! – воскликнул рыжеволосый, подпрыгивая на месте. Знакомой танцующей походкой он подплыл к Адхи, помахивая соблазнительно пахнущей жареной птицей, подрумяненной на ветке у костра.

От аромата у Адхи снова закружилась голова, но на языке неприятно тлел привкус плесени. Похоже, он потерял сознание, слишком долго скитаясь по гиблому месту. Так его и обнаружили кудесники. И Адхи не верил, что двое знакомых чудаков посадят в клетку.

– Никогда там не были. В смысле, наверху, на мосту. А тут выходим из «прокола» – и вдруг он ведет наверх, а не к бункеру, – покачал головой темнокожий кудесник.

– Да, и видим там тебя, оплетенного смертоносным плющом, – объяснил его спутник.

– Думали, ты не жилец. Но вы, орки, к ядам менее восприимчивы. А «прокол» новый, правильный, сам уже открылся, как только мы тебя подобрали, – дополнил второй кудесник, с легкостью подхватывая мысль первого. Темной кожей он сливался с ночными тенями, и лишь блики от костра и синее одеяние с тюрбаном расцвечивали бирюзовыми отливами его фигуру. Да порой блестели ровные белые зубы. Так они и мелькали, как темная и огненная тени, два загадочных друга.

– Что на другой стороне моста? – помотал головой Адхи, пугливо садясь к костру и укутываясь в лоскутное одеяло.

– Да ничего, – пожал плечами рыжеволосый. – Руины такие же.

– Там был «прокол», в который унесли Даду, брата, – мрачно объяснил Адхи.

– Полагаю, эту дверь просто открыли на той стороне, чтобы ты не добрался туда слишком быстро, а на деле кто-то умеет создавать «проколы» где угодно.

Редкий дар, но вполне объяснимый, – серьезно кивнул темнокожий.

– Да что же такое! – выдохнул Адхи, раздумывая, с чего начать распутывание этого клубка. Для начала хотелось попасть обратно домой, там бы ему подсказали родители и шаман, как дальше поступить. Они бы все вместе что-нибудь придумали. Если только хоть кто-то уцелел...

Страх усугубил неприятную дрожь, колючим угольком тлеющую в ослабевших руках и ногах. А так бы он хоть босиком по колючей проволоке понесся в каменную подземную юрту, чтобы открыть «прокол» к родному стойбищу. Сердце заходило от тревоги, внутри все скручивалось узлом, но Адхи как-то удалось съесть предложенную рыжеволосым кудесником птицу. От сочного вкуса жареного мяса пропал неприятный оттиск плесени. И глухим ощущением сытости заполнилась обессиливающая пустота возле сердца, но по-прежнему не находилось покоя.

«Я должен узнать, живы ли отец и мать!» – молча твердил Адхи, наблюдая за непонятной болтовней кудесников.

– Совсем ты приуныл, – дотронулся до его руки рыжеволосый. – Кстати-некстати, меня Ледор зовут, а этого зануду – Аобран.

– Вернее: этого разгильдяя зовут Ледор, а меня – Аобран, – рассмеялся темнокожий кудесник, сдвигаясь на затылок тюрбан.

– Очень приятно, – кивнул Адхи и на всякий случай еще раз представился в ответ. Возможно, у кудесников существовала традиция раскрывать имя только у костра, освященного духами. Хотя Адхи тут же вспомнил: эти двое ни во что не верят. Что ж, зато их не терзали смутные сомнения и не постигали страшные открытия. В их мире не оставалось непознаваемого, только непознанное, но обреченное однажды поведать свои тайны.

– Надо бы тебя вернуть домой. Да? – дружелюбно сказал Ледор.

– Да. Я не понимаю, как меня выбросило снова из деревни. Я просто стоял, на меня несся всадник с саблей. Появление «прокола» спасло мне жизнь, – рассуждал вслух Адхи и поднял глаза на собеседников: – Что такое «проколы»?

– Это достижение технологий древних людей, – развел руками Аобран.

– А как же ваша магия?

– О, ей мы учились от Хаоса, – вскинул светлые брови Ледор. – Искали его крупицы по всему Отрезанному Простору.

Значит, они не отрицали существование особого пространства за пределами видимого мира. В Хаосе заключалась невероятная сила. Адхи знал, что существа, живущие по ту сторону Барьера, умеют менять облик, а в их мире нет разделения на животных, растения и камни. Все смешивалось, менялось и пребывало в постоянном бурлении, как похлебка в котле. Вот уж не хотелось бы жить в таком беспорядке.

– Судя по записям, прежние люди поначалу старались скрестить ауру Хаоса и свои технологии. И кое-что у них получилось, – охотно поделился Ледор, что-то чертя обугленной палочкой на песке. – Так и появились «проколы» и пункты управления ими.

– Но потом пришел Змей Хаоса, – скорбно вздохнул Аобран.

– Змей или не Змей, но мир поглотил огонь, – подытожил Ледор. Действительно, не приходилось сомневаться, что их края в далекие времена постигло великое бедствие. Шаман Ругон рассказывал про него по-своему, кудесники в каменной юрте нашли свои подтверждения.

– Сколько прошло времени? – очнулся от полусонного забытья Адхи. Он не помнил, как лишился чувств, и не ведал, сколько пролежал в кибитке.

– Ты был без сознания два дня. Мы уж врачевали, как умели, – ответил Ледор, указывая на несколько повязок. Только теперь Адхи заметил, что все его тело

покрыто порезами, ссадинами и следами от колючей проволоки. Какие-то ранки он, наверное, не заметил в битве. Еще он получил несколько ожогов, когда вытаскивал из юрты безумного отца Хорга.

– Два дня? Я должен вернуться домой! – вскинулся Адхи. Он решил, что обязан сперва проверить, все ли в порядке с родителями, а потом думать, как спасти брата.

– Хорошо, сейчас откроем «прокол», как в прошлый раз, – согласились кудесники. – Мы никуда не торопимся, довезем тебя еще раз до контрольного пункта.

– Там была битва... Матушка и отец сражались, – простонал Адхи, сдавливая голову руками. Споры плесени, отравившие его за время скитаний по пустырю, туманили память и мешали последовательно выстраивать события. Он заставлял себя сосредоточиться, как перед выстрелом.

– Отдохни, успокойся, – увещевал Аобран, заботливо поправляя сползшее с плеч Адхи одеяло. – Наверняка твои родители победили захватчиков, они ведь сильные, правда? Все орки очень сильные. И такой крепкий мальчик не мог родиться у слабых.

От слов кудесника сделалось немного спокойнее, но Адхи все еще терзали предчувствия. Что-то теснилось за коркой ясного сознания и твердило, что ему не вернуться, а весь путь предстоит преодолевать в гнетущем одиночестве. Потому что это его испытание, его неправильное посвящение.

– Утром отправимся, – потянулся Ледор, подкладывая свежие лепешки кизяка в костер.

– А пока оставайся здесь или располагайся в кибитке, как тебе удобнее, – продолжал миролюбиво успокаивать Аобран.

Адхи хотелось побыть в одиночестве, несмотря на заботу со стороны кудесников. В первую встречу они вели себя странно и отчужденно, точно вознамерились проверить крепость убеждений юных пришельцев. Теперь же оба как будто понимали, как тяжело на сердце у оторванного от племени мальчишки.

Хотя участие не спасало от дурных снов и невозможности сомкнуть глаз почти до рассвета. Волны дрожи проходили по телу уже не из-за спор плесени. Адхи боялся как возвращаться, так и оставаться в неведении о судьбе родителей. Ведь если возвращаться, то все равно без брата. А если бы он узнал, что отец и мать погибли, у него не хватило бы сил дальше бороться с незримым потоком судьбы. Он бы заперся в юрте, как отец Хорга, или сгинул в пустынной степи.

– Отправляемся, – разбудил под утро мелодичный голос Ледора. Аобран уже впрягал лошадей в кибитку. Вскоре повозка двинулась через сочную траву к слишком знакомому гиблому месту.

– Совет на будущее: закрывай рот и нос какой-нибудь тряпицей, если попадешь в подобные края, – приглушенно отозвался Ледор, брезгливо скрывая лицо под пестрым шарфом. Аобран тоже превратился в одно синее покрывало, обматываясь куском тюрбана от шеи до темечка.

Адхи тоже не хотелось снова терять сознание от спор плесени. Он поднял повыше воротник кафтана и рубахи. Дышать стало тяжелее, зато чувствительные ноздри чуть меньше щекотало удушье. Кудесники знали лучше, как поступить, ведь они скитались не только по Отрезанному Простору.

Аобран позаботился в этот раз и о лошадях, надев им на морды мешки с прорезями для глаз. Возможно, в прошлый раз кудесники тоже не забывали о безопасности, но тогда Адхи был слишком обескуражен и напуган перемещением. Теперь оно воспринималось гибким юным сознанием как еще одна странность огромного загадочного мира, хотя кудесники нашли объяснение этой магии. И даже управляли ею с помощью рычагов. Но предусмотреть все опасности у них не получалось.

– Проклятье! Опять эта проволока. Она здесь из-под земли сама собой вырастает, – выругался Аобран, подпрыгивая на облучке. Повозка едва не завалилась набок, перекошено зависая на трех колесах. Адхи и Ледор немедленно спешили.

Колючая проволока накрепко вцепилась в заднюю оглоблю. Ледор поморщился и безрезультатно попытался разомкнуть пути разрядом тока. Аобран предложил расплавить ржавую мерзость.

– Надо бы сначала выровнять кибитку, иначе совсем упадет, – посетовал Аобран и кивнул неуверенно топчущемуся на месте Адхи. – Ну-ка, пособи.

– Ого! Какой ты сильный, – поразился Ледор, когда тринадцатилетний мальчишка навалился одним плечом и с легкостью заставил кибитку встать вновь на четыре колеса. Человеческие повозки всегда казались слишком хлипкими, да и лошади зачастую напоминали кузнечиков-переростков.

– Молодец! Вот уж я не ожидал! Думал, полдня потеряем, – похвалил Аобран, аплодируя, как на ярмарочном представлении. Привычки вечных актеров не исчезали даже среди безмолвия пустыря.

– Вот почему орки не идут в кудесники? Так бы нам помогали, – посетовал Ледор. – И декорации ставить, и повозки чинить.

– Потому что мы верим в Белого Дракона, а вы нет, – несколько угрюмо отозвался Адхи.

– Это бы не помешало научиться магии, – заметил Аобран, сосредоточенно плавя колючую проволоку и не задевая при этом колесо. Пожалуй, порой магия и впрямь помогала.

– У нас есть племя и шаман, нам незачем показывать кудеса всякие на потеху, мы воины и пастухи, – продолжал Адхи, упрямо давая невольное восхищение аккуратной работой спутника, который уже освободил колесо и приглашал снова сесть в кибитку.

– А как смотреть, так вы не против были, – поддел Ледор, и Адхи недовольно оскалился.

– У каждого свой путь, – успокоил обоих Аобран. – И не всякий кудесник пойдет на ярмарки. Я вот не терплю тех, кто ловит для потехи созданий Хаоса. За что животинку мучить? Да и они ведь разумные такие же, как мы!

– Разумные! Я знал! И та оранжевая птица, Огневик, просила о помощи настоящему! – поразился Адхи, нащупывая в памяти детские воспоминания. Еще тогда он не поверил словам матери, тайно думая, как бы отворить замок. Но

устрашился, что огненный пришелец из Хаоса спалит не только кибитки мучителей, но и поселение орков. Сейчас, конечно, он бы уже никому не помог.

Да он вообще никому не успел помочь! Надышался плесени и упал – вот и все геройство. И от этого в сердце теснилась надрывная тоска, ощущение собственной ничтожности.

– Эй, мы почти приехали, скоро будешь дома, – дотронулся до плеча Ледор, вырывая из тяжелых раздумий.

Адхи вновь увидел громадину моста, отчего по телу пробежала судорога холодной оторопы. Да еще пришлось спускаться второй раз в подземную юрту.

– Они будут кричать? – спросил Адхи, когда спутники подошли к длинному подносу, который они называли панелью управления. Дохлых змей, свисающих со стен, они все так же именовали проводами. Значит, прежние обитатели каменной юрты жили в унылом мире колючей проволоки, пунктов управления и проводов. Нет, Адхи совсем так не хотелось, да и под землей пристало рыть норы разве что кротам и шерстистым людям с дальних пустошей.

– Кто «они»? А! Голоса... – подивился Ледор, встряхивая рыжей копной.

– В тот раз мы говорили, «пусть для тебя это останется магией». Но на деле-то это как раз не магия, – ответил Аобран. – В «проколах» есть магия, а в этой штуке нет.

– Это призраки! Вы их вызываете каждый раз, когда открываете «прокол», – рассудил Адхи.

– Нет, это не призраки. Это запись. Знаешь ведь записи на глиняных табличках или в книгах? – попытался объяснить Аобран.

Адхи за всю жизнь не видел книг, о которых порой рассказывали странники, пришедшие из-за Охранных Камней со стороны гор. Вроде как у людей были огромные стопки сшитых пергаментов, и на них они хранили свои знания в виде заковыристых лапок и кружочков. Глиняные таблички звучали более понятно: на них шаман Ругон порой рисовал прошения духам. Но говорящих табличек уж

точно не довелось встречать.

– Да, у прошлых людей и книги умели говорить, – объяснил Ледор и потянул за рычаг на длинном подносе, вновь вызывая из колодца небытия таинственную «запись». И вновь повторился короткий исполненный болью разговор, оборвавшийся на звенящей струне:

– Я вижу, как горит воздух!

Адхи уже не робел, утешая себя, что это всего лишь говорящая глиняная табличка. Но теперь больше трогал смысл сказанного. Судя по тону и выдержке, переговаривались воины, но в их голосах звучала неподдельная паника.

«Они воочию увидели Змея Хаоса», – понял Адхи и содрогнулся от мысли, что кто-то вел запись последних мгновений перед неминуемой гибелью.

Само собой, радости и надежды от услышанных переговоров не прибавилось. Зато кудесники сказали, что «прокол» открыт. Адхи опрометью кинулся наружу, прочь из стилой каменной юрты, этого кургана без костей. Он уже запомнил повороты в лабиринте, оказавшемся не таким уж извилистым: большинство ответвлений заканчивались тупиками обвалов.

– Постой, позволь проводить тебя. Ты не знаешь, чем закончилась битва! – остановил его голос Аобрана, и Адхи замер, едва не споткнувшись на лестнице. И впрямь: он мог угодить прямо в стан врагов, где последних уцелевших соплеменников убивали и мучили. Мысль об этом с самого пробуждения заставляла нервно кашлять, пронзая морозной стрелой.

– Да и бедовый ты парень, мало ли, что с тобой еще случится, – попытался не напоминать о плохом Ледор, обращая все в полушутку.

Впрочем, все трое ощутимо робели. Кудесники неторопливо плыли в своих длинных балахонах из контрольного пункта и как будто не желали идти к «проколу».

– Если что, мы немедленно вернемся, – пообещал Аобран. – Раз уж спасли тебя, то и сейчас не бросим.

Бледные пальцы Ледора сжали запястье Адхи, смуглая кисть Аобрана легла на плечо. И так они все вместе шагнули в «прокол», задержав дыхание от страха. Вновь воздух закружился густой болтушкой, вновь стальные обручи сдавили грудь. Но очень скоро все прекратилось. Адхи оказался в родной степи, по которой они кочевали все лето. И никто не сражался, не летели стрелы, не горели юрты. Только... И поселения не было!

– Где... Где мы? – обомлел Адхи. Он еще верил в какую-то ошибку. Кудесники обманули? Или «прокол» открылся в стороне от стойбища? Но стоило лишь немного приглядеться, чтобы увидеть вытопанную траву, следы копыт, выжженные фрагменты земли, запекшуюся кровь и несколько брошенных сгоревших юрт, в одной из которых отчетливо угадывалось жилище отца Хорга.

Если племя и уцелело, то откочевало в другое место. Адхи не увидел брошенных тел, зато неподалеку оказались свежие холмы могил. Если бы захватчики победили, они бы не тратили время на погребение врагов, а просто унесли бы дальше стаей саранчи.

Но кто лежал в могилах? Отец, мать? Шаман Ругон? Орки не возводили надгробий обычным воинам-пастухам, лишь прославленным вождям доводилось уйти в иной мир через холм-курган.

– Да, похоже, ты потерялся, – вздохнул Ледор, пока Адхи растерянно ходил по месту, которое долгое время служило им стойбищем. Теперь это была просто степь.

– Не потерялся! Вы можете как-то узнать, куда они пошли? Я вижу следы, но пешком мы не доберемся... Думаю, здесь день или два пути, – рассудительно заключил Адхи, стараясь мыслить по-взрослому, как всегда учил отец.

– Мы можем наугад пооткрывать «проколы» из контрольного центра, можем задать направление по этим следам, – пожал плечами Аобран. – Но вряд ли это поможет тебе в поисках. Ты должен научиться сам открывать «проколы», как это делал Хорг.

– Я думал, это возможно только из подземной пещеры, – удивился Адхи, с тоской подходя к месту, где недавно стояла их юрта. Теперь там маячил лишь бурожелтый прогалок свалывшейся травы.

– Обычно да. Но Хорга обучил другой кудесник. Он путешествовал с нами, а потом внезапно ушел, откололся от табора. Мы полагаем, он теперь поклоняется Змею Хаоса, даже если этой твари не существует, – задумчиво протянул Ледор. Адхи заинтересованно сощурился: похоже, кудесники, сами того не подозревая, отвечали на его незадаанные вопросы.

– Хотя в Змея Хаоса мы еще можем поверить. Катастрофа была, монстры тоже существуют, – подхватил Аобран, стараясь не отходить далеко от «прокола». – Я вырос на другом конце уцелевшего мира у разлома Барьера, на Отвергнутом Архипелаге. В те моря беспрепятственно заплывают самые жуткие создания с клыками и щупальцами, а размеры их тебе лучше не знать. И некоторые из племен, в том числе мое, считают их еще защитниками. Но они просто неразумные монстры. В этом я, к сожалению, убедился.

– Да, и я тоже был на Отвергнутом Архипелаге, и меня пытались принести в жертву одной из таких тварей, – вздрогнув, кивнул Ледор. – У каждого племени там свое лже-божество, которому угождают по-разному, надеясь на мифическую защиту от других тварей.

– Так вы думаете, что и Белый Дракон – еще одна тварь? – содрогаясь от собственного предположения и нечестивых речей, спросил Адхи. В миропонимании кудесников все оказывалось четко и понятно. Но одновременно как-то плоско и гадко.

– Это вероятнее всего, – проговорил Аобран. – В легендах таких существ часто наделяют божественной силой. А на деле... Верить не во что. Я спас Ледора из щупалец гигантского осьминога.

– Да, за что я очень благодарен по сей день, – улыбнулся Ледор, хлопая друга по плечу. – Вместе мы сбежали с островов и проплыли полмира матросами на торговом корабле, с тех пор странствуем вдвоем.

– Так вы не родились кудесниками? – насторожился Адхи.

– Нет. Мы обучились магии здесь, на пустошах. Конечно, чем ближе к краю Барьера, тем проще напитаться этой силой. Вот людям в круге Охранных Камней невозможно ничему обучиться. Технология или магия прошлых людей

блокировала доступ ауры Хаоса.

Адхи слышал о гигантских рукотворных скалах, которые образовывали что-то вроде щита вокруг уцелевшего мира людей. Туда не могла забрести ни одна тварь Хаоса. Далекие горы Илоко всегда служили верным ориентиром в степи, и на их вершинах тоже стояли некие артефакты, отпугивающие вторжение созданий Хаоса. Зато родные края орков считались небезопасным местом, защищенные лишь незримой дымкой Барьера-неба.

Но Адхи не променял бы бесконечность ароматных трав на тесные избы и непролазные леса. Да, какие-то создания Хаоса могли попасться в степях, и шестикрылые фазаны, и мохнатые люди встречались только на Отрезанном Просторе. Но в случае опасности орки сумели бы отразить любую угрозу. Или не любую?

«Угроза... Мама, отец! Где вы? Что с вами?» – встrepенулcя Адхи. Он ощущал себя растерзанным, растянутым пустой кожей между кольями. В тягучей тоске он огибал проплешины, где еще недавно стояли юрты, осматривал следы. Похоже, племя собрало уцелевший скарб и отправилось перегонять стада на другое место. Возможно, чтобы избежать новых набегов Орков Огненной Травы.

– Вернемся в контрольный пункт? – предложил Ледор, мягко дотрагиваясь до плеча Адхи.

– Мы можем задать новое направление. Немного сдвинуть координаты, – говорил опять наполовину непонятно Аобран. Вот уж раздражала эта привычка кудесников ввинчивать в речь неизвестные старинные словечки. Провода, записи, координаты – неужто так и объяснялись древние обитатели их мира? Адхи не нравилось звучание этих слов, да и «проколы» они придумали бестолково, раз дыры в пространстве не могли доставить куда следует.

– Лошадей же вы через «прокол» не проведете? – посетовал Адхи. Он бы предпочел отправиться напрямик по следам. Если бы спутники воспротивились, он бы двинулся и пешком к новому стойбищу Степных Орков.

– Да зачем? Можем, но через «прокол» быстрее будет. Пойдем, не волнуйся, все получится, – утешал Аобран. И Адхи, вздохнув, последовал за спутниками обратно на пустырь. И снова ему пришлось спуститься в каменную юрту.

– Сдвинь направление на северо-восток. Где-то два дня пути, хм... Как бы это перевести в меры длины древних, – совещались кудесники, что-то нажимая на большом подносе, который вместо узоров покрывали светящиеся значки. Вот уж подивились бы гости, если бы такой стол оказался в юрте вождя. Но и есть бы с него ничего не стали, подозревая злое волшебство. А в доброе орки и не верили. Кудесники подтверждали, что питаются аурой Хаоса.

– Ао! Ты все перепутал! – возмутился Ледор, беззлобно отпихивая другая от контрольной панели. – Дай мне, а то ты привык только два «прокола» открывать – княжий град в Ветвичах да Отрезанный Простор. Простор да град.

– Ой, Лед, а ты-то лучше! Будто без меня в другие миры путешествуешь! – в тон ему отвечал Аобран, не отрываясь от панели, отчего Адхи невольно заулыбался. Возможно, двое ярмарочных волшебников намеренно устроили для потерянного мальчишки маленькое представление. Возможно, и впрямь так общались, неизменно подшучивая друг над другом.

– Готово, – вскоре отозвались они. – Посмотрим, куда попадем в этот раз.

Адхи пошел к выходу уже менее уверенно, боясь вновь лицезреть только степь да могилы. Но кудесники снова взяли его за плечи, снова вместе они шагнули в «прокол». Адхи зажмурился, точно надеясь пробудиться от дурного сна. Слишком уж затянулись его странные приключения.

– Лед, ты все напутал! Это вообще другое направление! – посетовал Аобран. Адхи распахнул глаза и чуть не вскрикнул: под ногами оказалась пропасть, вернее, обрыв над морем.

Горизонт терялся в сизо-серой дали. Внизу же острые скалы жадно облизывали пенные волны, разнося громовой рокот. А «прокол» оказался в нескольких шагах от края, отчего захотелось немедленно попятиться и сбежать.

– Ну напутал! Да, немножко напутал. И ладно! Посмотрит парень на море. Плохо, что ли? – оправдывался Ледор. – Видишь, Адхи? Это море Ануам.

– Да-да, только оно прямо на севере, а парню нужно было на северо-восток. И ты чуть не уронил нас с утеса, – недовольно скрестил руки Аобран. – Ладно,

возвращаемся.

Они вновь шагнули в «прокол», пока под ногами крошились мелкие камешки, несущиеся с высоты в море. И вновь в лицо ударил гадкий запах плесени, особенно неприятный после великолепного свежего бриза, наполненного соленым холодом.

– В этот раз расчетами займусь я. Так, вспоминаем, где было солнце и куда вели следы, – рассудительно совещался сам с собой Аобран, пока отстраненный от выстраивания координат Ледор скучающе сидел рядом с Адхи на обломках каменных скамей у стены.

– Готово, пробуем еще раз, – вскоре кивнул Аобран, пока его спутники успели проголодаться и рассеянно доесть припасенные остатки жаркого.

– Надеюсь, ты-то нас не уронишь в какую-нибудь пропасть, – фыркнул Ледор, выходя к новому «проколу». Сердце Адхи вновь затрепетало.

– Мы на месте! Это наши юрты! Знаки Степных Орков! – возликовал он, когда рассеялась давящая муть перехода в пространстве. Впереди, немного в отдалении, дымились мирные костры, вокруг стойбища паслись овцы и лошади. Крупный бык мирно щипал новую сочную траву. Поселение вновь растянулось по степи кругом войлочных юрт. Значит, удалось пережить набег и отразить нападение. А перекочевать решили после боя, потому что на старом месте почти не осталось травы. Возможно, переместились, чтобы убраться подальше от Племена Огненной Травы и от крылатых волков, нападающих на стада. Но на все вопросы ответили бы соплеменники, и оставалось совсем немного до желанного возвращения.

– Тогда беги. Мы пока подождем тебя здесь, – напутствовал Аобран.

– Да вы заходите в гости, я всем расскажу, что кудесники бывают не только обманщиками, – радостно затараторил Адхи и понесся к стойбищу.

Все дома поменяли расположение, орки хмуро чинили поврежденный пожарами скарб. Отца Хорга и вовсе привязали к колышку рядом с конями, а он тарасил глаза и гавкал, стоя на четвереньках. Это напугало и заставило отпрянуть. Но что поделать: безумцу уже вряд ли кто-то мог помочь.

Зато Адхи увидел, что и вождь, и шаман Ругон в добром здравии занимаются привычными делами. Один направлял племя, другой доносил волю духов. И возле юрты шамана Адхи увидел две до боли знакомые фигуры.

– Мама! Отец! Вы живы! – возликовал он, и голос звонко разнесся по деревне.

Глава 6. Таверна «Кудесник на склоне»

– Я стал... стал... Кем я стал? – кричал Адхи, заламывая руки. Не его руки. Не его глаза плакали горячими слезами. Не его пальцы без когтей цапали грунт. Только кафтан остался прежним, только рубашка, бережно залатанная матерью, все еще напоминала о собственном теле. Утраченном теле.

– Ну-ка, ну-ка... Похоже, эльфом. Точнее, эльфом-мэйвом, – придиричиво рассмотрел с разных сторон Аобран.

– Никогда таких не видел. Ладно бы эльфы мира Сомбр. Но мэйв! Говорят, они обитают на парящих островах мира Таэвас, – поразился Ледор с любопытством и даже улыбнулся. Адхи с ненавистью оттолкнул его. Конечно, хорошо этому рыжему кудеснику скалиться, он-то остался в своем теле.

Они все обставили так, чтобы глупый мальчишка ничего не понял, не распознал, в чем кроется опасность. А он-то, наивный дурачок, доверился им, понадеялся, что и впрямь научится открывать «проколы». Да лучше бы он остался в деревне. Лучше бы... Хотя как он мог остаться? Все воспоминания теперь свивались единым клубком непонимания и нестерпимой боли.

– Плевать мне, где они обитают! Они недостойны нас, орков! – заревел Адхи, падая на колени. – Я хотел остаться тем, кем меня родила матушка!

– Да не плачь ты. Если придется идти мимо поселений людей, легче скрыться будет, – пытался успокаивать Аобран, но Адхи оттолкнул его и занес кулак, но кудесник ловко уклонился. Видать, хитреца-обманщика многие хотели покрепче

приложить и разукрасить синяками притворно добрую физиономию.

– Куда-то за твоим проклятым Хоргом придется идти все равно. А дерешься ты неслабо, как орк, – потирая ушибленное плечо, несколько обиженно отозвался Ледор.

Голоса раздирали разум. Еще недавно все выглядело понятным и простым, еще недавно мир ограничивался легендами шамана Ругона. А теперь Адхи лишился не только брата, но и деревни, и собственного тела, и самого права называться гордым именем «орк». Он стал каким-то мелким и слабым. Пусть в ногах и появилась дополнительная прыть, а в теле легкость, он не думал, что все это дастся такой ценой. Впрочем, Хорг тоже выглядел непривычно в последнюю встречу, будто сквозь его тело проросла гигантская грибница. Хотя бы этого с Адхи не произошло.

– Это безумие! Кто я теперь?! – стонал он, заливаясь слезами. Еще днем он надеялся попасть домой и отправиться на поиски брата вместе с лучшими воинами племени. С ними-то, казалось, можно победить и самого Змея Хаоса. А теперь все разрушилось и распалось, смешалось кружением горьких черепков. Острые глиняные края резали и без того истерзанную душу.

– Пойдем-пойдем, Адхи, так надо. Магия ничего не делает просто так, – пытался утешать Аобран, а Ледор только качал головой:

– Надо было предупредить его.

– Да как? Мы сами не знали, – шикнул Аобран. – Надо найти своих, думаю, они снова собрались недалеко от Разрушенного Моста. Я слышал, недавно все были на ярмарке у князя. Вот и собрались теперь проесть добытое честным трудом. Может, кто-то из наших объяснит, что случилось с Адхи. Полагаю, Офелиса может что-то знать.

– Да, застать бы Офелису.

Ледор облизнул губы и закивал, взволнованно лохматя копну волос. Адхи все еще надеялся врезать по этой смазливой роже, но Аобран бережно обнял за плечи и помог подняться. Адхи продолжал плакать. Он натянул ворот рубахи едва не до глаз, надеясь так скрыть свое неоспоримое уродство, ведь

выступающие изо рта клыки считались у орков признаком красоты и мужественности.

«Если это не поможет в спасении Дады, то я убью этих кудесников! Может, они вообще не пытаются научить меня магии, а обращают в свою веру? В свое неверие, свою мерзость», – думал Адхи, медленно бредя к расцветченной кибитке, которая вскоре скрылась в «проколе», чтобы вынырнуть на знакомой плесневелой пустоши.

Аобран, неловко сутулясь на облучке, приказал лошадям пошевеливаться. К счастью, на пути им не попалось ни канав, ни прорастающей из-под земли колючей проволоки. Адхи бессильно облокотился спиной о стенку кибитки и укутался в лоскутное одеяло. Хотя бы оно не изменилось. Впрочем, хотелось разорвать его на клочки и разнести кибитку, которую не посчастливилось повстречать после похищения Дады.

Адхи ненавидел себя за слабость, за невозможность прыгнуть через бездну за младшим. Хорг требовал последовать за ним, возможно, прямо в западню, но так бы никто не разделил братьев. И если у Адхи не хватило силы и смелости, то лучше бы его еще на мосту поглотил ядовитый плющ.

– Эй, ты бы закрылся, чтобы плесени не надышаться, – предупредил Ледор. – Будто мало тебе проблем.

– Без тебя разберусь! – зарычал Адхи. Казалось, голос тоже стал другим, более высоким, без упрямых щелкающих интонаций, которыми славились жители Отрезанного Простора.

Адхи оказался чужим самому себе. И в таком виде ему полагалось еще куда-то идти, кого-то спасать. Да он из кибитки не желал показываться, когда странники выехали с пустыря и Ледор радостно заявил:

– Смотри, там весь табор собрался.

– Да, давно такого не было, – улыбнулся Аобран. Адхи же захотелось накрыться пестрым одеялом, чтобы никто не увидел, во что обратился гордый орк.

А над табором взрывались яркие фейерверки, играла трескучая музыка, галдели люди, доносился запах еды. Вот есть, пожалуй, очень хотелось. Привычки орков выживать в любой ситуации никуда не девались, желание восполнить силы доброй едой не улетучилось.

– Выходи-выходи, сейчас будет столько снеди, – знал, чем выманить наружу, Аобран, приглашая Адхи покинуть ненадежное убежище. И нехитрый план сработал.

– О! Да у нас пир! Чем потчевать будете? – довольно смеялся Аобран, шествуя между кибиток, из которых выстроился настоящий городок, готовый наутро унести прочь в степь и исчезнуть в «проколах». Он разрезал вечерние сумерки мириадами ярких огней, многие из которых висели в воздухе бестелесными светлячками.

Табор искрился и взрывался весельем, повсюду беспечно танцевали и болтали кудесники, показывая друг другу магические фокусы, наполняя чаши вином и беспрестанно смеясь. Адхи ощущал себя совершенно лишним посреди этого веселья.

– Что отмечаем, братья? – интересовался Леодор, приветствуя других кудесников яркими снопами искр.

– Удачное выступление в княжьем граде, – объясняли встреченные «братья». Многие выглядели очень странно. Большинство из них носили длинные балахоны, и не хотелось думать, что скрывается под разноцветной тканью.

Пока спутники шли к центру зыбкого городка, им встретились и кудесники с рогами, и шестирукие, и покрытые разноцветной шерстью. У некоторых вместо ушей торчали плавники, у других – маленькие крылья. Третьи щеголяли четырьмя, а то и шестью глазами.

На их фоне Адхи вскоре распрямылся и почти успокоился: в такой компании он точно не выглядел самым странным гостем. Получалось, что Аобран и Ледор скорее выбивались из общего числа загадочных созданий. И уж точно не все из них показывали свои странности широкой публике. Но здесь они не боялись сбросить иллюзии и предстать с истинными лицами.

– О! Офелиса! Как всегда, неотразима! – приветствовал Ледор черноволосую молодую женщину в ярко-оранжевом балахоне и высоком тюрбане. Статная, с прямым носом и крупными губами, она выглядела как королева табора, но скромно сидела у костра и что-то помешивала в котелке.

При этом ложка взбивала бурлящую снедь сама по себе, а женщина только повелительно крутила указательным пальцем. Также без ее участия работали и ножи, нарезающие и раскладывающие на кожаных тарелках куски дымящегося мяса. К тому же вокруг женщины горело несколько костров, на каждом из которых что-то жарилось, варилось или тушилось, а потом само собой раскладывалось по тарелкам на потеху восхищенным кудесникам.

– Что же вы не поехали на выступление в княжий град? Говорят, там была широкая свадьба, а потом Праздник Весны, вот они и звали много кудесников, – посетовала Офелиса. – Но хотя бы сейчас вы вовремя. Я уж думала, беда с вами случилась. Всех дозвалась, а вас не дозвалась.

– Да вот новенького обучали, – сказал Аобран и указал на съездившегося Адхи. – Были у Разлома Барьера, там-то магический зов не слышен.

– Новенького? Так тащите его сюда. Будем угощать. Что-то грустный он у вас, неужто пороли-били? – с интересом пригляделась Офелиса и даже не подумала укорить за убогость.

– Да-да, розгами-розгами, – не очень весело рассмеялся Ледор.

«Хуже! Превращали в неведомую зверушку, какого-то эльфа-мэйва», – угрюмо подумал Адхи, стыдливо отворачиваясь. Ему казалось, что он наверняка стал уродливым, хотя не попало ни единой лужицы, чтобы увидеть свое лицо.

– Эй, новенький, не робей. Добро пожаловать в наш трактир под открытым небом «Кудесник на склоне». Трактир собирается каждый раз, когда есть что поесть, – рассмеялась Офелиса, приветливо раскидывая руки. На ее жест огонь под всеми котелками приветливо полыхнул, но тут же опустился, послушный воле устроительницы и распорядительницы трактира.

– Сядь, поешь. Тебе надо успокоиться и обо всем поразмыслить. Может, сам поймешь, что не все так страшно, – увещевал Аобран, передавая Адхи жареный

окорок и принимая от собратьев поднос с фруктами. Втроем они устроились на пышном ковре с разноцветными подушками недалеко от Офелисы, которая, не двигаясь с места, снабжала изысканными блюдами весь табор.

– Уйдите от меня! Все уйдите! – воскликнул Адхи и угрюмо отсел на край ковра, однако от еды не отказался. Он боялся, что его новые зубы не позволят есть мясо, но они оказались острыми и вполне удобными. Хотя бы голодная смерть не грозила. А все остальное совсем не радовало.

Да уж, поразмыслить. А над чем? О том, как все это произошло? О том, как его постигла новая беда? Он уже сбился со счета, сколько бед в последнее время на него обрушилось. Все это не напоминало испытания духов-из-скорлупы, они-то учили жить по совести и блюсти обычаи Степных Орков. А он будто попал на страшную ярмарку. Но что еще оставалось? Он просто шел за теми, кто обещал хоть какую-то помощь. Но они завели в западню.

Адхи зажмурился, чтобы не расплакаться при всех, и не от боли – от обиды. От горькой досады. Как же так вышло, что не смог вернуться домой? Когда он получил эту гадкую отметку?

Ведь все шло так хорошо, когда Аобран и Ледор все-таки отладили координаты «проколов». Он уже бежал к стойбищу, к маме и отцу. Он уже видел соплеменников. Но все сломалось и пошатнулось, когда Адхи окликнул родителей у юрты шамана. Его голос тогда громко разнесся по деревне. По всему выходило, что хоть кто-то должен был бы услышать его, обернуться или встрепенуться, даже если родители сочли его предателем и намеренно не замечали. Но никто не реагировал. Никак, совсем никак.

Родители все так же печально стояли возле жилища старика Ругона. Все так же сиротливо жались друг к другу, точно боясь потерять последнюю опору.

– Мама? Отец? – повторил тогда Адхи, уже чуть менее радостно, подходя вплотную.

Но родители не поднялись навстречу, не обняли и не принялись бранить. Адхи устроил бы любой исход, он понимал, что не доглядел за братом и пропал среди битвы.

Может быть, его намеренно не замечали, сделав изгоем? Но лучше бы они церемонно обмазали предателя жиром и обсыпали соломой. Тогда бы он понял, что больше нет ему пристанища, нет приюта, и ушел бы в вечные скитания по степи. Но ничего не происходило.

Никто его не замечал, даже шаман Ругон не вздрогнул, когда Адхи помахал около его лица рукой. Старик только церемонно говорил родителям:

– Не погибли ваши сыновья. Вижу я их. Но как будто вдалеке, в тумане. Как будто нет их ни среди живых, ни среди мертвых.

– Да вот он я! Вблизи! – вскричал Адхи, надрывая горло. Но вновь никто не услышал.

– И что же делать? Где искать их? – еще плотнее прижимаясь друг к другу, спросили родители. Мать бессильно скулила, отец скорбно хмурился. Они считали, что за один день потеряли обоих сыновей. Нет, они совсем не пытались объявить старшего изгоем. Но они его просто не видели.

– Мама... Отец... – бессильно шмыгая носом, тихо позвал Адхи. – Я же здесь! Я здесь!

Он попытался дотронуться до руки отца или обнять мать. И тогда осознал: непознаваемая сила отталкивает его, заставляет отпрянуть. Тогда он попытался схватить какую-нибудь вещь, разбить ее или подкинуть в воздух, чтобы так выдать свое присутствие невидимки. Но в пределах стойбища все отторгало пришельца, точно погруженное в незримые прозрачные пузыри, мешающие коснуться предметов. И за такой же завесой оказывались все соплеменники.

– Отец! Мама! – снова закричал он, приникая к незримой преграде, надеясь пробить ее, прорваться, выгрызть в ней прореху. Но ничего не происходило, все так же он топтался на месте и даже не оставлял следов, как в кошмарном сне.

– Вернутся ваши сыновья, верю я. Вижу я. Духи-из-скорлупы проведут их к Белому Дракону. Таков выбор духов, – продолжал утешать Ругон.

– Но как же? Но за что же? – шептала мать, бессильно утыкаясь лбом в плечо мужа.

– Ваш сын, Адхи, всегда по-особенному слушал меня. Не так, как другие дети. Порой мне казалось, ему суждено стать новым шаманом, когда я уйду к духам, – объяснил Ругон, благосклонно касаясь руки матери.

– Ругон, так значит, его забрали духи, чтобы сделать шаманом? – спросил отец.

– Это мне неизвестно. Белый Дракон сохранит его, – воздел к небу руки Ругон. – Но они живы. Ждите их возвращения. И надейтесь.

– Старик! Я здесь! – закричал Адхи, но голос сорвался и оставалось только сипеть задушенной мышью. Казалось, весь мир провалился и стерся.

Он не смог вернуться в деревню. Его не изгнали, но он превратился в какое-то другое существо, которое не видел никто из родных. Даже сердце матери не почувствовало его приближения. Его просто стерли из жизни Степных Орков. И тогда Адхи еще не подозревал, что ждет его дальше.

Он до вечера просидел в деревне у юрты родителей, временами приходя к жилищу шамана. Но ни проводник воли духов, ни отец с матерью не услышали ни стонов, ни плача отринутого сына племени.

Адхи встrepенулcя, когда понял, что на пустошах его дожидаются кудесники. Наверняка они что-то напутали. Значит, надо было снова открыть «прокол», снова подвигать светящиеся штуки на большом подносе контрольной панели. Тогда бы все исправилось, сделалось по-старому.

И раз уж в деревне его пока никто не видел, приходилось вновь отступать прочь, в степь. Он надеялся, что его дожидаются. Иначе он бы просто сжался на земле и умер от отчаяния.

Но кудесники оказались на месте. Они переместили через «прокол» кибитку и беспечно лежали на траве, рассматривая черное небо, которое по ночам обнажало пустой лик Хаоса, скрытый днем светом Барьера.

– А я считаю, он не придет. Показалось тебе, и все у него в порядке, – говорил Ледор.

– Ох, не думаю, – сетовал Аобран и не ошибся. – Гляди, вот и он.

– Это вы? Вы сделали?! – воскликнул Адхи, потрясая кулаками.

– Ты все-таки не смог вернуться? – вздохнул Аобран.

– Так вы знали?! – вскинулся Адхи.

– Мы предполагали, поэтому и дожидались тебя здесь, – ответил Ледор, сонно потягиваясь и пожевывая травинку.

– Почему я не смог вернуться в племя? «Прокол» не до конца сработал? – спросил Адхи. – Я теперь призрак? Как те... на записи.

– Нет-нет, ты не более призрак, чем мы с другом. Полагаю, на тебя накинута печать невидимости. Да и на нас тоже, судя по всему. На всех, кто с тобой явится в племя, – помрачнел Аобран, неуютно кутаясь в полы балахона.

– Кто-то очень не хочет, чтобы ты сумел позвать подмогу. А твой друг явно тоже не сам сошел с ума, – кивнул Ледор.

– Думаете, это все дело рук вашего отколовшегося товарища? – нахмурился Адхи. Отец всегда учил не доверять кудесникам. Говорил, каждый из них пропитан лживостью и иллюзий. Значит, один из них и впрямь погрузил разум наивного Хорга в бездну сумасшествия.

– Думаю, да. Найдешь его – снова станешь собой, сможешь вернуться. А пока тебя заставляют последовать за похищенным братом, – покачал головой Аобран.

– Тебе придется учиться колдовать, чтобы отыскать Хорга и отразить нападение врагов, – объяснил Ледор, вставая и начиная похвально. – Станешь кудесником. Представляешь, как здорово? Бабах! И разрядом молний выкосить целый отряд Орков Огненной Травы. Я научу, так и знай.

– Но как? Я ведь просто Степной Орк! – поразился Адхи. Ему-то думалось, что все фокусы кудесников нужны только для глупых представлений.

– Магия в Мирах Хаоса доступна всем. Или хотя бы техномагия, – объяснил Аобран. – Просто кто-то лучше ее чувствует, кто-то хуже.

– Вы путешествуете по мирам? Думаете, Хорг утянул Даду в другой мир? – не понимал Адхи, терзаясь новыми догадками. Воображение рисовало самые неприятные картины. Все другие миры на них выглядели похожими на плесневелых пустырь.

– Есть вероятность, – поморщился Ледор.

– Не все кудесники путешествуют, кому-то хватает и ярмарочных представлений. Но мы с другом – да, случается, – кивнул Аобран. – Но все мы собираемся на Отрезанном Просторе. Здесь, знаешь, такие пустые просторные места, что наши особенности не привлекут внимания.

– И что же мне надо делать, чтобы обучиться магии? – соглашался на любые условия Адхи.

– Нужно открыть новый «прокол», – пригласил его Аобран, – но займемся мы всем утром. Пока залезай в кибитку, поешь и поспи.

Адхи устало кивнул и послушался. Перекусив овечьим сыром, он бессильно повалился на ковер и уткнулся в подушку, уже не сдерживая слез. Да так и заснул, просолив пеструю вышитую наволочку.

А с первыми лучами рассвета кибитка проехала через «прокол», отчего лошади жалобно заржали. Похоже, им совсем не нравились такие путешествия, отчего кудесники их и не брали. И вновь окатила мерзостной вонью Пустынь Разрушенного Моста. К счастью, ехать по ней долго не пришлось, и вновь странники спустились под землю.

– И как кудесники получают магию? – спросил Адхи, когда Аобран что-то делал возле контрольного пункта. Ледор с озабоченным видом переносил провода.

– Не получают: будят в себе. Магия была и до пришествия Хаоса, просто Хаос научил будить ее и управлять ею по своей воле, – уточнил Аобран.

– И мы куда-то отправимся, чтобы я разбудил в себе магию? И тогда я смогу открывать «проколы»? И выяснить, где Хорг? – нахмурился Адхи.

– Ох, с «проколами» придется поучиться. И на магию Хорга или его хозяина тоже придется научиться настраиваться. Но если ты хочешь спасти брата, то должен быстро все схватить. Главное, ничему не удивляйся и не сопротивляйся, когда магия пробудится в тебе, – напутствовал Аобран.

– О! Кажется, получилось, – обрадовался Ледор, особым образом сплетая дохлых змей, то есть провода.

– Итак, отправляемся к Разлому Барьера. Предупреждаю – остается небольшой риск, что упадем в океан. Но там должен оказаться островок, – провозгласил Аобран, потянув за рычаг. И прямо посреди подземной юрты раскрылся крупный «прокол», из которого отчетливо тянуло соленым бризом.

– Готов? – спросил Аобран, и Адхи кивнул, хотя ноги тряслись и под ребрами колот сотней жал нестерпимый ужас. Точно все степные пчелы покинули медовые колоды и набросились на него. Но приходилось идти вперед, делать роковой шаг.

Адхи крепко зажмурился и вошел в «прокол», рассчитывая упасть в море, прямо на острые скалы, которые недавно видел с обрыва. Но ступни ощутили твердую землю. Адхи осмотрелся и обнаружил себя на крошечном островке, со всех сторон окруженном водой. На этой одинокой глыбе не поместилось бы и десятка воинов. Они вышли на узкую скалу посреди бесконечных волн.

– Вот и Океан Акала, великий океан, – с почтением кивнул Ледор, оказавшийся рядом. Аобран тоже поклонился чему-то неведомому.

Адхи устремил взгляд вдаль и увидел... темноту, чистую темноту посреди призрачно волнующегося Барьера. На островке не хватало света, как будто лучи утягивало в этот разрыв пространства. Значит, именно оттуда на Отрезанный Простор текла сила Хаоса, значит, поэтому люди из-за гор не считали кочевников ровней и даже боялись, как тварей.

– Хаос мудр. Пусть принес его Змей, но в Хаосе смешалась и слилась магия всех разрушенных Змеем миров. Хаос мудрее Змея. Хаос! Дай силу новому ученику, – объявил Аобран, хватая посвящаемого за плечи и заставляя выступить вперед.

– Н-нет, я не хочу! – испугался Адхи.

– Не противься магии, тогда не будет больно. Помни: магия всегда была в тебе, – непривычно строго приказал Ледор.

А из пролома черноты к Адхи устремилось нечто. Он не видел, но чувствовал, как оно ползет по волнам, окутывает островок незримым саваном, скользит по лицу, дотрагивается до затылка холодными пальцами, дышит на кожу горячим покалыванием, заставляя встать дыбом волоски на руках и ногах.

Адхи захотелось сбежать, кинуться в «прокол», но он уже не мог пошевелиться. Кудесники не отпускали, и это нечто окутывало его новыми ощущениями. Что-то пробуждалось в нем, что-то оживало и рвалось наружу.

«Прими магию. Разбуди ее в себе», – раздавалось вокруг или в сознании одного Адхи. И он ощутил внезапно невероятную радость.

Он закрыл глаза, а открыл их уже в совершенно незнакомом месте, похожем на бесконечный подземный лабиринт. Тело не ощущалось, но он шел вперед и видел свет вдалеке. Он решил, что скоро найдет выход, но это был обман зрения. Потом сияние исчезло, и Адхи стал понимать, что находится внутри лабиринта, только здесь ответвления не отсекались обвалами. Стены становились все толще, пока он не оказался в центре помещения с множеством углов. Над головой – потолок, а перед глазами – стены-стены-стены. А пола не существовало и вовсе, потому что он парил над черной бездной.

Адхи почувствовал, как его медленно затягивает в воронку, но смог повернуть голову, чтобы увидеть ее край. Он смотрел на себя со стороны, перемещаясь в пустоте. И внезапно он увидел, как у него отрастают крылья. Белые, огромные, с черными прожилками, они начали поднимать его. Что-то шевельнулось внутри, раскрылось в душе, застрекотало роем синих стрекоз.

Вскоре крылья замерли и стали медленно растворяться. С тихим треском они исчезли, а он остался раздавленным и потрясенным, как будто у него больше не было сердца. Оно билось только в правой руке или в левой, или в голове. Он весь распался и рассыпался чередой белых проводов, подобных тем, что увивали контрольный пункт, только сияющих, разноцветно-светлых.

Сердце... Сущность. Крылья. Кем он был и кем стал? Глаза Адхи закрылись.

Когда Адхи очнулся, то лежал уже в кибитке. Сперва он решил, что ничего не произошло, никуда они не путешествовали, а все увиденное – ненормально яркий сон. Но вскоре Адхи ощутил какой-то подвох: все необъяснимо сдвинулось, сделалось непривычным.

Он облизнул пересохшие губы и не заметил клыков. Где же они? Куда делись? Вроде бы и не выпали, иначе бы рот болел, а на их месте зияли кровоточащие дыры.

Адхи с ужасом ощупал лицо, вскочил с ковра и завертелся на месте. Да, он изменился, он стал кем-то другим. Хотя белых крыльев вроде не оказалось, да и лопатки не болели. Значит, померещилось.

Заостренные уши остались, а вот привычно-алые руки и ноги словно удлинились, и кожа стала тоньше: теперь под ней просматривались вены. Клыки тоже обнаружили на законных местах, но сделались змеиными иголками, явно не для разрывания мяса, а для точных проколов.

– Аобран! Ледор! Что случилось? Я стал... стал... Кем я стал? – разбудил товарищей Адхи, взревев раненым быком. Тогда-то кудесники и принялись объяснять, что с ним стряслось. А он не слушал и метался от бессильной ярости по потерянному телу.

Вскоре после этого странники двинулись в путь. И вот теперь они втроем сидели на ковре в трактире «Кудесник на склоне».

– Кем я стал? Кем? – стонал Адхи уже на пиршестве, озаренный свечением сотни бестелесных светлячков. От страха он много ел и запивал все сладким соком, но уже не удавалось заглушить гнетущую пустоту внутри. Ни чудесные плоды, ни сочное мясо, ни наваристая похлебка не смирляли его ужас.

– Эльфом-мэйвом. Не бойся ты так, это же не болезнь, – все еще пытался подбадривать Ледор. – Тебе нужно было, чтобы ты быстрее обучился открывать «проколы». Похоже, магия услышала прошение. Ты ведь хочешь успеть спасти Даду? Вот она и сделала тебя существом, которое лучше всего проводит магию.

– Но кто это? Зачем?! – опустив голову, тихонько причитал Адхи.

– Да люди такие. Ну не совсем люди. Разумный вид, – увещевал Ледор, спокойно поедая баранью ножку. – Вроде вас, только более быстрые и легкие. Живут в мире Таэвас на парящих островах. Тебя зацепила магия другого мира. Это даже хорошо, значит, будешь сильнее. Возможно, даже сильнее нас с Ао.

– Мне не нравится! Я слабый и уродливый. У меня нет клыков. Верните меня обратно! – по-детски заканючил Адхи, напоминая в тот момент перепуганного малыша Даду.

– А это тебе самому придется учиться, – развел руками Аобран.

– Да как же так! – звонко хлопнул по опустевшему подносу с фруктами Адхи.

– Радуйся, что на себя-то еще похож, – отозвалась Офелиса и протянула зеркало. Адхи припомнил, сколько причудливых созданий он повидал, пока шел между кибиток. И теперь он пополнил ряды уродцев. Адхи оказался не только в чужих краях, но и в чужом теле. В таком-то виде его бы точно не узнали ни отец, ни мать, прогнали бы как постороннего. И Дада тоже не узнал бы. Или узнали бы?

Вроде бы он и впрямь не сильно изменился, как показывало отражение. Из зеркала на него смотрел тринадцатилетний мальчишка с красной кожей. Разве что клыки убрались в рот, подбородок стал меньше, плечи чуть уже и само тело немного тоньше. А так даже ритуальные бусины в черных косицах сохранились. И все же по ту сторону стекла пугливо хлопал оранжевыми глазами незнакомец.

– Это и был ваш план? Так нечестно! Кто я теперь? – выдохнул Адхи.

– Оркам сложно обучаться магии. Теперь ты... эльф-орк. Зови себя так, если не нравится быть мэйвом. Они черпают силу из природы, объединяют себя с ней и могут управлять пространством, – объяснил Ледор. – Знаешь, если пройдешь

через Хаос, то научишься менять свою сущность. Отрастишь себе клыки обратно.

– Это ужасно! Я не хочу становиться непонятно кем! Я Степной Орк, всегда им был, – снова накатил ужас на Адхи.

– Ты уже не можешь остаться. С тех пор, как похитили твоего брата и ты стал невидимым для родителей и соплеменников, ты уже не просто Степной Орк, тебя зовет Хаос, – сурово оборвал Аобран. – Пойми, Хаос – не зло. Считай, что тебя зовут духи-из-скорлупы и просят измениться.

– Вам-то легко говорить! – взмахнул руками Адхи. Руками без когтей, чужими руками.

– Легко? – поморщился Аобран. – Ледор, покажи ему, на тебе лучше видно. Может, тогда поймет, что он еще хорошо принял магию.

Ледор понуро склонил голову, но раскрыл балахон, под которым ничего не оказалось, кроме свободных шаровар, как будто кудесник совсем не опасался холодов. Но его, наверное, согревала магия молний. Больше удивило поджарое тело: все оно отливало травянисто-зеленым, а вместо вен под тонкой бледной кожей вились самые настоящие корни и травинки.

– Что это? – отпрянул Адхи. – Кто вы?

Зрелище выглядело странно и то ли неприязненно, то ли любопытно. Казалось, что пульсирующие корни причиняют нестерпимую боль, но Ледор не вел себя как вечный страдалец, и странности его проявлялись разве что в ярмарочных ужимках.

– Цена за обучение магии. Вскоре после побега с Отвергнутого архипелага мы странствовали в другом мире. Там существуют целые ордена магов. И это корни, которые оказываются в твоём теле. Когда они прорастают, это очень больно, – невесело отчеканил Ледор. – А потом они становятся частью тебя. Так ты получаешь магию и можешь жить хоть двести лет. Нам с Аобраном уже пятьдесят, но выглядим мы намного моложе, как ты видишь. И это неплохо!

– Да, мы все рано или поздно станем чем-то иным, – объяснила Офелиса, волей своей силы меняя котлы над кострами и принимаясь за новую стряпню для все пребывающих гостей. – Те земли людей в круге Охранных Камней могут еще несколько веков сохранять старые порядки, а их жители считать себя единственной «правильной» формой жизни. Но без магии и технологий прежних людей Камни не простоят долго. Настанет конец этому порядку. И тогда такие, как мы, «иные», измененные, слышащие Хаос, поведут их в новый мир.

– Но за что мне все это? – простонал Адхи.

– Объясни ему, Офелиса, – попросил Аобран. – Насколько помню, ты всегда лучше понимала теорию проводников.

– О, да... Было дело, я ведь училась в одном мире в академии, – махнула Офелиса. – Так до трактирщицы и доучилась, а-ха-ха. Но что поделывать, в моем мире магов отправляли на верную смерть, вроде как во имя борьбы с Хаосом за целостность нашего тамошнего Барьера. И когда меня бросили умирать, я как-то оказалась здесь. Хаос спас? Люди? Белый ваш Дракон? Не ведаю, твари-то Хаоса погрызли...

– Белый Дракон спас! – воскликнул Адхи, но тут же притих: – А меня проклял.

Снова захотелось плакать. Постыдно и глупо. Он помнил, как в детстве прижимался к матери, как искал защиты от любых напастей. Но в последние годы, перед посвящением, ему не пристало реветь. Он вроде как считался уже почти взрослым. Почти... Навсегда «почти», потому что духи-из-скорлупы не приняли бы искореженного орка под личиной эльфа. И мать никогда не обняла бы уродца-сына, который потерял ее последнюю надежду – младшего Даду. Неизвестно еще, не превратил ли его Хорг в кого-нибудь похуже эльфа. И какой темной тварью с грибницей под кожей стал бывший друг.

– Это не проклятье. Слушай меня! Аобран мне рассказал, что тебя не видят родители и соплеменники. Ты не можешь вернуться домой – это проклятье. Изменение твоей внешности – это просто следствие магии. Все в мире состоит из ее проводников и антипроводников, – начала объяснять Офелиса. – Именно поэтому у каких-то рас все пропитано магией, а у каких-то о ней и не слышали. Люди... ну можно назвать нас полупроводником. А вот с орками совсем не задалось. Магия сочла, что раса мэйвов будет для нее лучшим проводником. У

вас, орков, так скажем, слишком толстая кожа. Похоже, тебе предстоит очень серьезная битва с кем-то, возможно, со служителем Змея Хаоса. Поэтому тебе понадобилась более мощная магия, чем ты мог бы получить, оставаясь в своем привычном теле.

– Но я совсем не готов, я не знаю, с кем будет битва и... за что мне это, – бессильно выдохнул Адхи, обхватывая голову руками и ероша черные косицы.

– За что? На этот вопрос тебе предстоит ответить самому. Значит, в тебе есть что-то, что отличает тебя от соплеменников, – задумалась Офелиса. – Кто-то хочет обратить тебя во тьму. Но ты ее не слушай! Магия не зло, все расы и виды хороши по-своему, а вот подлость, лживость и предательство – единое зло для всех. Вот соблазны этих советчиков и не слушай. А магию, Белого Дракона и друзей слушай.

– Расы, виды... А Ледор... Он стал деревом? – указал на деликатно запахнувшего балахон спутника Адхи.

– Сам ты дерево! – фыркнул рыжий кудесник, но Аобран ткнул его в бок. Адхи, впрочем, уже не обижался. Ничьи слова не трогали. Куда больше ранило внутреннее ощущение неправильности, будто его разобрали и собрали по кускам, потеряв старые части и добавив ненужные новые.

– Дерево? Разве что временами туп как дерево, – фыркнула Офелиса. – Не совсем. Но в какой-то мере. Да, когда мы принимаем магию, в нас вползает частица Хаоса. Если услышать шепот Хаоса, то можно со временем научиться контролировать и превращения своего тела. В конце концов, важнее то, что остается у тебя здесь.

Она вытянула руку и дотронулась до груди Адхи, указывая на сердце. Он отпрянул, как дикий зверек, застигнутый охотником. Но собеседница вновь только рассмеялась.

«Белый Дракон! Защити меня от этих безумцев! Белый Дракон, умоляю!» – твердил Адхи. Ярмарочное кружение и пиршество все больше давило на него. Он зажмурился и заткнул уши, не заботясь о том, как на него посмотрят спутники. Они превратили в уродца, а теперь еще Офелиса рассказывала, будто так и надо. Внезапно в голове раздался голос, самый настоящий отчетливый голос:

– Они не безумцы. Охранные Камни или укрепленные города – только временная мера. Да, это печально, но это правда. Людей в привычном смысле слова однажды совсем не останется. Всем придется меняться. Но такова судьба всех миров Хаоса. Расы и виды сотрутся, различие между людьми и другими разумными видами потеряют значение. Каждый научится выбирать приятный ему облик. Все будут равны. Но разве не в этом свобода?

«Это... Это ужасно! Я не хочу так! Я хочу домой к легендам шамана Ругона. Я не хочу быть эльфом-мэйвом, в котором проросло дерево», – мыслями ответил Адхи, не представляя, к кому воззвал. А голос продолжил:

– Дерево в тебе и не проросло. Офелиса все верно рассказала. К тому же твои спутники были правы: потом ты сумеешь менять внешность. Если эта сила окажется для тебя непосильной ношей, обещаю, ты вернешься домой прежним сыном племени орков и навсегда забудешь о «кудесах».

«Постой! Постой... Кто ты? Ты и правда Белый Дракон?» – удивился Адхи, только теперь понимая, что голос в голове отличался от шепота призраков. Он лучился светом, едва уловимым, но успокаивающим, обволакивающим. Перед мысленным взором представало синевато-белое зарево в конце черной пустоты. И на его фоне мерцали раскрывающиеся крылья. Все как в рассказах шамана Ругона.

Но не было ли это очередной уловкой магии или неведомых недругов? Ответы терялись, голос иссякал. В душе Адхи поселились сомнения, и он не знал, выдержит ли путь, который еще не начался.

Глава 7. Страх одиночества

Таверна под открытым небом «Кудесник на склоне» гудела и переливалась яркими огнями. Пиршество было в самом разгаре, у котлов Офелисы мелькали пестрые одеяния, в небо взлетали яркие фейерверки. Ледор и Аобран хвастались перед соплеменниками мастерством магии огня и молний, переплетая их в яркие цветы, напоминавшие маки.

Адхи же не интересовала глупая игра. Он насуплено сидел в стороне. Под гул музыки и взрывы хохота он бы все равно не уснул, поэтому даже не пытался. Но хотелось забыться и очнуться кем-то другим, собой прошлым или собой из другого мира, другого времени.

И чтобы маленький Дада был рядом! Он ведь так боялся оставаться в одиночестве, так лип к старшему, что порой Адхи с трудом отрывал его от ног.

«Я буду похож на тебя во всем, когда вырасту», – восторженно твердил Дада, и теперь у Адхи щипало в носу каждый раз, когда он вспоминал, с каким небрежением порой относился к младшему, как сбегал от него на охоту вместе с ровесниками, с проклятым Хоргом. Порой он был груб и слишком часто поднимал на смех братишку, слишком неуклюжего, слишком наивного. Слишком маленького, чтобы понять их сложные «взрослые» разговоры. Да уж, взрослые!

А теперь... Адхи понял, как любил это беззащитное создание, как хотел бы наставлять младшего и как радовался заботе о нем. Но отчего-то осознание простых вещей часто приходит вместе с горькой потерей. А теперь он потерял и самого себя.

– Совсем ты приуныл, что с тобой? – спросил Ледор, отвлекая от мыслей.

– Будто ты не знаешь почему! – уже привычно огрызнулся Адхи. – Может, тебе и нормально быть деревом, а мне мэйвом – не очень.

– Эх, ладно-ладно, не беспокою. Сиди один, если тебе так нравится, – обиженно отозвался Ледор. – Можешь утром идти на все четыре стороны, раз тебе так с нами противно. Магию ты уже получил, проколы научишься открывать.

– Нет! Не надо! Не уходите, – помотал головой Адхи, впервые сознавая, что остался в этом мире совсем один.

– Тогда прекращай смотреть на нас зверем, – увещевал Аобран.

– Да при чем здесь вы... – пробормотал Адхи и признался: – На самом деле я скучаю по брату. Очень скучаю.

Адхи потер глаза, стараясь, чтобы подлые кудесники не заметили его слез. Но Ледор мягко дотронулся до его запястья и улыбнулся:

– Только не плачь, ты должен быть сильным, чтобы научиться подчинять магию. Сделай ее послушной своей воле. И ты вернешь и свой облик, и брата. Обещаю тебе.

– Да, обязательно, – кинул Аобран. – Эй, Лед, что же мы парнишку скучать оставили? Нехорошо! Тебе лишь бы похвастаться. А ему-то здесь грустно, неуютно.

– Вернемся в кибитку? – доверительно предложил Ледор, на что Адхи устало кивнул.

Вскоре он уже сидел в объятиях лоскутного одеяла, а Ледор и Аобран улыбались ему. Втроем они продолжили пир, попросив у Офелисы ароматный ягодный взвар и поднос незнакомых заморских сладостей. Адхи медленно жевал их, ощущая пряный вкус, но сердце по-прежнему трепетало печалью. Орки редко думали о любви, обычно выражая ее не словами, а действиями. Мать, которая часто обнимала сыновей, была скорее исключением из правил по сравнению с другими женщинами племени. И Адхи считал, что обнимать младшего – это проявление слабости. А теперь хотелось рассказывать ему легенды на ночь, показывать соцветья разнотравья, искать вместе с ним и для него забавных жуков, собирать злополучные шишкоягоды.

– Знаешь, все в этом мире подчинено судьбе. Зову Хаоса. По нему люди находят возлюбленных, он же связывает родственников. Как вас с братом. По зову родной крови ты найдешь брата, ведь ты его любишь. Я бы каждому мог пожелать таких братьев, как ты, – говорил Аобран, и Адхи со светлой печалью в сердце постепенно засыпал под плавную речь кудесника. – Это магия другого порядка, она необъяснима, но очень прочна.

Адхи спал, все глубже погружаясь в колодец. Он снова видел свет и туннель с сотней углов и толщей стен. И вновь за его спиной раскрывались крылья, вновь он парил в неизвестность времен. В неясных видениях он узрел кружение миров, множество реальностей сплелись для него единым хороводом осколков. И между ними мерцали слова: «Ты знаешь, что такое правда? Знаешь, как жить по правде? Есть ли для тебя правда?»

Адхи морщился, ощущая тяжелые прикосновения холода, точно нечто злое и коварное проникало в покой кибитки.

«Ложь, все ложь! Это говорю тебе я, Вестник Змея, твой Белый Дракон сам однажды превратится в нового Змея Хаоса от своего горького отчаяния. А ты станешь его новым Вестником, так заведено и нет возврата из тьмы», – шипел незнакомый ужасающий голос.

Оно звало, оно тянуло силы, но Адхи размыкал оковы кошмара. Он отчетливо ответил, возможно, даже вслух: «Правда – это племя. Правда – это семья. Правда – это мой брат Дада, которого безвинно похитили и держат за пределами моего мира. Правда в том, что у каждого темного Змея есть свой прислужник, свой Вестник Змея Хаоса в каждом мире. И во имя любви к брату и племени я должен найти, где скрывается мой враг, мой Вестник Змея, я должен победить его, даже если я пока не Вестник Белого Дракона».

Но все распадалось и таяло, превращаясь в дымку. Над Отрезанным простором уже разливались первые лучи света Барьера.

«Какой странный сон, – подумал Адхи, морща лоб, но не вспоминая деталей, только в нем крепла уверенность: – Я найду брата, подчиню магию и спасу Даду!»

– О, кто-то проснулся? – раздался из-за занавесей мелодичный знакомый голос Офелисы. Адхи разлепил глаза и облизнул пересохшие губы. И после пробуждения вновь испытал потрясение от отсутствия клыков. Орк! Он орк! А потом сознание разбудило отчетливые воспоминания последних дней – магию, превращение, пиршество в таборе. А чуть раньше – похищение Дады и нападение на стойбище. Адхи неуютно съежился. Ему бы бежать на спасение младшего, искать его по всем мирам. А что делал он? Жалел себя, свернувшись под одеялом в кибитке. Нет! Так не могло продолжаться!

Адхи решительно выпрыгнул наружу, даже напугав пасшихся неподалеку лошадей.

– Доброго тебе утра! – приветствовал он Офелису.

– И тебе, – кивнула она. – Собирайся. Отныне я буду приглядывать за тобой.

- Ты будешь учить меня магии? - обрадовался Адхи.

- Не я, а те два скомороха, - кивнула она на суетящихся у котелка с завтраком Ледора и Аобрана. - Но я буду приглядывать за вами, за всеми вами!

- Да слышали мы, слышали, - отшутился Ледор.

- Они никогда еще не брали учеников, путешествовали в свое удовольствие. Но твое появление - явно знак судьбы, - продолжала Офелиса.

- Так кудесники верят в судьбу? - удивился Адхи. Он-то считал, что все в таборе поклоняются неведомым законам здравого рассудка и логики, о которых твердил Аобран.

- Кудесники верят в то, что им ближе, - пожала плечами Офелиса. - На изучение магии это не влияет, если только откровенно не мешает ее освоению.

- А почему не вы будете меня обучать?

- О, у меня уже есть ученица. Познакомься, это Чигуса, у нее огненная магия, - встрепенулась Офелиса, и из-за кибитки вышла щуплая девочка одних с Адхи лет. Одета она была в оранжевый балахон, как у наставницы, темные с рыжеватым отливом волосы, собранные в косу, частично скрывал такого же цвета тюрбан. Зеленые глаза девочки смотрели с интересом, но в них читалась неуверенность.

«Она человек? Или... Или не совсем?» - задумался Адхи, замечая у Чигусы рыбы чешуйки на руках и босых ступнях. А вместо ушных раковин у девочки торчали светло-зеленые короткие перья, точно она украсила голову крыльями маленькой птички.

- Кто ты? - спросил Адхи. В племени орков не привыкли скрывать или не замечать очевидные вещи, поэтому он не задумывался, насколько вежливо звучит вопрос. Он хотел узнать - он говорил. Так же общались всегда отец и мама, так же обращались друг к другу честные орки. А недомолвки оставались уделом бесчестных. Таких, как Хорг, который нарочито благоговел перед шаманом, а потом выходил из юрты и насмехался над историями Ругона.

– Измененная. Нам нет названия, – немного сдавленно отозвалась Чигуса, но не обиделась, охотно поведав: – Я родилась с магией. Офелиса говорит, однажды я научусь менять облик, буду превращаться в кого захочу.

– Я спасла ее с костра в одном из людских государств. Там ее посчитали созданием Хаоса, – не менее прямо поведала Офелиса.

– Родители прятали меня до семи лет. Но потом... Потом соседи узнали, и родители... Родителей... их сожгли, – девочка глубоко вздохнула, но не заплакала. Похоже, рана в ее сердце все еще кровоточила, но уже заживала. Адхи не желал даже представлять, через какой ужас прошла несчастная ученица.

– А ты кто? Ты... мэйв? Офелиса рассказывала о таких, – уже улыбаясь, спросила она.

– Нет! Я орк! Орк! – гордо ударяя себя кулаком в грудь, отозвался Адхи.

– А совсем не похож, – пожала плечами Чигуса.

– Это они со мной сделали! – кивнул в сторону Ледора и Аобрана возмущенный Адхи.

– Да не «они», а магия, – подал голос один из кудесников. – Так, садитесь все к столу. А после завтрака, наверное, пора начинать обучение?

– Верно, не будем откладывать, – кивнула Офелиса, занимая почетное место на мягких подушках и пробуя стряпню. – Ох, Лед, как обычно! Слишком много специй.

– В моей стране так было принято, – пожал плечами Ледор, но он явно уважал и почитал Офелису. Адхи предположил, что кудесница когда-то обучала их с Аобраном, по лицам все равно не удавалось угадать ни их, ни ее возраст.

– Итак! Приступаем! – радостно провозгласил Ледор, выскакивая на просторную зеленую лужайку за кибиткой.

– Может, подыщем более пустынное место? – подумал вслух Аобран. – Мало ли какая у него магия. Жалко выжигать все вокруг... Да еще кибитка рядом, все наши вещи.

– Я подстрахую, если что. Забыли? У меня водная магия, – сказала Офелиса. – Начинай, Чигуса, повторяем упражнение с контролем огненных цветов. И ты начинай, Адхи, слушайся своих новых наставников.

– Ноги на ширине плеч, сложи руки ладонь к ладони. Пальцы вытяни вверх. Да, вот так, – принялся наставлять Аобран, суется вокруг оробевшего Адхи.

– Раз-два, начали, три-четыре, закончили. Зарядка! – не сильно помогал ему Ледор, глупо подпрыгивая. – А теперь бег на месте!

– Лед! Прекращай! – осадил Аобран.

– Что? Я всегда перед ярмарками сначала делаю зарядку, – рассмеялся Ледор, и от его несерьезности стало легче. Адхи и не заметил, как с пальцев слетело несколько слабых искорок, которые словно исказили воздух перед собой.

– Получилось? – восторженно спросил он. Хотя тут же разочаровался в себе, потому что ученица Офелисы уже легко перекатывала в ладонях опасного вида огненные шары, постепенно лепя из них яркие лепестки будущего цветка.

– Почти! – похвалил Аобран. – Почувствуй магию.

Адхи морщился и корчился, едва не вывихивая пальцы в попытках сложить их так, как просили наставники. Но руки только дрожали, и не удавалось снова вызвать колебания воздуха.

– Не получается! Я не маг, – покачал головой Адхи.

– Эй, вы ничего не забыли сказать? – беззлобно посмеиваясь, наставляла наставников Офелиса.

– Ах да! Запомни: магия всегда течет внутри тебя вместе с кровью. Поэтому эти ужимки с верным положением рук и ног хороши только на этапе обучения, –

запоздало объяснил Аобран. – Не цепляйся за них, как за единственный путь. Если тебе неудобно так складывать руки, попробуй иначе. А кто-то колдует вообще одним усилием воли. Понимаешь?

– Вроде понимаю, – пробурчал Адхи.

– Почувствуй магию. Просто почувствуй, когда ты становишься ее проводником, – напевно шептал Аобран.

Адхи закрыл глаза и прислушался к себе, стараясь не завидовать успехам Чигусы. Наверняка девочка повторяла уроки наставницы каждый день уже не первый год. Но у нее было время, а у него – нет. И от спешки Адхи снова терял концентрацию и не слышал шепот магии внутри себя.

– Попробуем завтра, – через несколько часов бессильных попыток провозгласила Офелиса. – Чигуса! Тебя это не касается. У тебя все отлично, поэтому продолжай.

«Да чтобы у какой-то девчонки получалось, а у меня нет!» – ощутил укол уязвленной гордости Адхи. Орки никогда не любили проигрывать, тем более людям, считая их слабыми и хрупкими созданиями. Хотя сама по себе Чигуса нравилась, она не поддевала и не пыталась казаться сильнее или лучше.

– Ты научишься! – увещевал Аобран. – Просто найди подходящие эмоции для того, чтобы стать проводником. Подходящее положение рук и тела.

С тех пор день ото дня длилось обучение, а в душе Адхи крепла тоска. У него не получалось ничего, кроме маленьких «проколов» на короткие расстояния. И сквозь них приходилось протискиваться, как через кротовую нору. К тому же он вовсе не слышал никакого зова Хаоса и зова родной крови, чтобы немедленно последовать за Хоргом. А прошло уже больше двадцати смен дня и ночи.

– Все получится... – в очередной раз слабо подбадривал Аобран. И тогда у Адхи закончилось терпение. Двадцать смен дня и ночи он только и слышал эти пустые речи.

– Ничего не получается! А вы... вы два обманщика! – зарычал он и кинулся на кудесников с кулаками. Грубая сила всегда была главным преимуществом орков, а эта глупая магия и ее служители просто ничего не понимали. Адхи хотел избить и искушать нерадивых учителей. Да что угодно! Лишь бы выместить то отчаяние, которое окутало его сердце.

– О, вот и оно, – спокойно усмехнулась Офелиса из-за спины. И Адхи понял, что в попытке ударить наставников он резко взмахнул руками, точно разрывая пространство, и освободил что-то в себе. В тот миг он словно вылетел из пещеры тесных стен на яркий-яркий свет.

И вот свежий «прокол» уже сиял пейзажем по ту сторону. Пока все той же зеленой лужайкой возле кибитки, но это раскрылся уже не едва заметный лаз, а настоящая арка, в которую без труда вошли бы два человека или один крупный орк.

– Получилось! – восхищенно проговорил Адхи. – Теперь я спасу брата? И пойду домой... Наконец-то домой.

Хотелось забыть все, вернуться в племя и больше ничего не менять в своей жизни. Вновь стать частью круга родных под защитой духов и знакомого распорядка вещей. Вернее, сперва получить обратно данный при рождении облик, а потом вернуться к привычной понятной жизни. Готовиться к посвящению, после него строить свою юрту, пасти скот и защищать стойбище, а не слушать бесконечные наставления чудаков-кудесников. Вроде бы такой жизни он всегда и хотел. Или же нет? Или же боялся посвящения, потому и оказался здесь, в таборе чудаков? Адхи вздрогнул от посетивших сомнений.

– Попрактикуйся, – с гордостью отозвался Аобран. – Запомни, что чувствовал, когда у тебя получилось открыть «прокол». Как ты двигался. Это и будет твоим основным жестом для использования магии.

– Кидаться на кого-то с кулаками? – пристыженно пробормотал Адхи. – Я не такой.

– Такой-такой, – шутливо похлопал по плечу Ледор.

– Магия сочла, что в таком состоянии ты лучше всего ее проводишь, – рассмеялся Аобран. – Попробуй еще раз открыть «прокол».

– Ладно, – ответил Адхи, вспоминая, какие чувства испытывал, когда решил ударить наставника. Ярость? Гнев? Негодование? Он легко впадал в бешенство, думая о Хорге, о Змее Хаоса и о таинственном заговоре, в который его втянули.

Значит, с открытием «проколов» не возникло бы проблем. Стоило вспомнить Хорга, как Адхи ощутил в себе закипающую злобу. Он вновь взмахнул кулаками. Все получилось! Снова открылась настоящая дверь в пространстве.

И вдруг... Какая-то сила потянула его в «прокол». Он не успел осознать, не успел остановить движение. Его затягивала черная воронка, он тонул в творении своего гнева.

– Адхи! – обескураженно вскричали кудесники где-то позади. – Не-е-ет!

– Проклятье! Горе-наставники! Он открыл «прокол» на Пустынь Теней! – донесся исполненный ужаса голос Офелисы. – Как вы это допустили!

«Снова я один... Где я? За что?!» – обмер Адхи, когда понял, что за его спиной больше нет «прокола».

Он обернулся и не заметил ничего, совершенно ничего. Искрящийся полдень сменился тусклыми сумерками. И если раньше вокруг расстилалась бескрайняя степь или плесневелый пустырь, то здесь, в этом странном месте, не было абсолютно ничего. Только под ногами мягко поднимался удушающими облаками то ли серый песок, то ли пепел.

«Они придут за мной, придут и заберут отсюда», – бессильно заскулил Адхи, оборачиваясь и пытаясь снова открыть «прокол», но ничего не получалось. Пальцы нестерпимо жгло каждый раз, когда он применял новые знания о путешествиях в пространстве. И вскоре он уже не пытался выбраться с помощью новой силы. Магия снова подвела его, снова обманула.

«Горы... Почему горы не на своем месте?» – запаниковал Адхи, когда увидел отдаленно знакомые очертания скалистых громадин. Он привык, что они всегда

отмечали сторону восхода, из-за них вылетал огненной упряжкой разноцветных бликов свет Барьера. А теперь они оказались в стороне заката, кудесники называли ее западом. Горы научились ходить! Мир потерялся и стерся, превратившись в пепел. Или Адхи стерли из мира.

Впервые Адхи понял, насколько всегда боялся оказаться в одиночестве. Порой он искал уединения, даже прятался от младшего, чтобы остаться со своими мыслями. Но Адхи всегда знал, что он – часть племени. У него была семья, любящие родители, друзья, а в темный час его не оставляли наставления шамана Ругона. Теперь же он оказался совсем один. Даже без нерадивых учителей.

И как же он боялся! Да он весь был соткан из страхов: страха потерять родных, страха изменений, страха остаться в одиночестве и страха не оправдать ожидания, ставшего главным в последние несколько лет. Он клеймил и сокрушал себя за похищение Дады, как будто это он неосторожно открыл «прокол», через который утащили младшего.

«Нет-нет, это не ты. Ты ни в чем не виноват, это все другие злые», – твердил порой какой-то противный внутренний голосок, писклявый и глумливый.

Он шептал, что вся ответственность лежит на взрослых, в их мире все понятно, они все могут решить за младшего члена племени, а значит, ему пока рано принимать ответственность. Зачем? Она тяжелая и ненужная, легче обратиться за советом к родителям или шаману Ругону. А ответственность за брата... Недоглядел, не удержал – так это глупый младший сам виноват.

Адхи ненавидел себя за этот мерзкий страх принять ответственность, выбраться из детской трусливости. Ему ведь предстояло посвящение! И именно из-за этого страха он опасался, что духи не примут его. Он мог сколько угодно слушать наставления и легенды шамана, но сам по-настоящему никогда не был уверен, что достоин занять место среди взрослых. Да и хотел ли?

Ведь так тяжело взрослеть, а потом защищать собственную юрту, своих детей... При мысли об этом вроде бы далеко от Адхи обычно кружилась голова, он убеждал себя, что это часть благоговейного трепета перед грядущим ритуалом, но на самом деле он просто мечтал оттянуть его, чтобы подольше оставаться маленьким. Тогда и оплошности его судили как поступки ребенка.

«Ты просто трус! Просто... трусливый недоорк! – корил себя Адхи. – Думай теперь сам, своей головой, как выбираться отсюда! Думай!»

Оказавшись на Пустыни Теней, он понял, что никто не придет за ним, не вытащит за шкуру, как нашкодившего щенка из глубокого чана с жиром. Не спасет и не подскажет верный путь. Наставники оказались далеко, где-то на Отрезанном Просторе. А его «прокол» выкинул за другую сторону Охранных Камней, да не в княжества людей, а в запретную темную пустыню.

«Магия? Магия еще со мной?» – пытался рассуждать Адхи, пробуя вновь сложить пальцы, как советовали Ледор и Аобран.

Жаль, Офелиса занималась своей ученицей, Адхи был уверен, что ее советы подействовали бы лучше. Но вот опять он перекладывал на кого-то ответственность за свои неудачи!

Он состоял из страхов и неуверенности в себе, но каждое новое потрясение словно бы снимало с него панцири из тонкой скорлупы, заставляя вновь и вновь рождаться, появляться в новом качестве.

Возможно, и Белый Дракон не сразу проклюнулся сквозь гигантское яйцо в океане света. Возможно, он долго и мучительно долбил когтями толстые стенки, чтобы вырваться после пробуждения. Или вовсе не желал выбираться, а тихо дремал в темноте небытия до творения.

Да, наверняка до поры до времени ему просто нравилось сидеть в скорлупе. Адхи предпочел бы теперь тоже остаться под панцирем, в замкнутом пространстве, в темной юрте, в гигантской раковине – где угодно, но не среди этого бесконечного простора, который не озарял свет Барьера.

Здесь он оказался совершенно один среди бессмысленного пейзажа из камней и растрескавшейся земли. Такого безжизненного и застывшего, что даже пустошь у разрушенного моста казалась на его фоне обитаемой и живой.

По крайней мере, там росла колючая проволока и стелилась зловонным ковром плесень, а здесь не осталось ничего – только собственная тень, отраженная темным силуэтом на барханах. Ни перезвона насекомых, ни шелеста травы, даже сам ветер здесь умер. И время пути не отмерялось ни новыми пейзажами,

ни сменой дня и ночи.

Адхи просто шел, незащищенный, без друзей и наставников, отрезанный от племени и орков. Без скорлупы, без панциря, словно кто-то требовал сбросить все оковы, научиться думать самому, без указки ритуалов и легенд.

Про Пустынь Теней шаман Ругон никогда не упоминал. Адхи понял, что поставлен перед выбором: принять свое первое самостоятельное решение или погибнуть. Но какое решение, если волей глупой ошибки магии он угодил в ловушку? Нет, своей ошибки, только своей. Не наставников и не магии. Значит, и исправлять предстояло все ему.

«Что это... М-мираж?» – вскинулся Адхи, когда на горизонте показалось нечто, какое-то сооружение, сложенное из серых камней полуразрушенными ступенями. Отдаленно оно напоминало холм-курган, но одновременно и древний мост. Так строили прошлые жители их мира, которые записывали последние минуты братьев голосами призраков. А может, кто-то до них.

Камни дышали необъяснимой стариной. И Адхи очень надеялся, что эта громада не мерещится ему от страха и голода. Жарким летом в степи случалось видеть иллюзорные картины, несуществующие реки, невероятных животных, облака, прилипшие к земле, или далекие острова. Но все они растворялись, стоило приблизиться. Адхи же шел к развалинам, и по мере сокращения расстояния они лишь обретали четкость линий. Теперь уже не оставалось сомнений, что это место давным-давно покинули, но все же необъяснимая сила манила к нему. Да и оставаться под ударами пустынного ветра с каждым шагом становилось все тяжелее. А вихрь точно испытывал на прочность нежеланного гостя, сбивая с ног и разворачивая, стремясь засыпать песком глаза, чтобы запутать и отвлечь от заветной цели.

«Не на того напал! Я орк! И всегда им буду!» – упрямо ответил стихии Адхи, и действительно ощутил в ногах привычную силу своего племени. Тело мэйва не подходило для этой неприветливой равнины. Правда, клыки по-прежнему не появлялись, но и кусать оказалось некого. Да на этой пустоши не водилось ни ящериц, ни жуков. А голод подступал неминуемой слабостью. И снова настигали порывы ветра. Но Адхи упрямо двигался к развалинам: если уж кто-то стремился отвести его от приближения к древнему сооружению, значит, эти развалины и были целью его путь сквозь Пустынь Теней.

Вскоре он достиг длинной каменной лестницы с выщербленными ступенями, а ветер уже так лютовал, что пришлось не идти, а ползти по ней, распластываясь пауком на прозрачной сети. Но Адхи упрямо лез наверх, цепляясь за камни.

«Эх, мне бы сейчас мои когти!» – подумал он и внезапно ощутил, как плоские ногти на пальцах удлинятся и заострятся. Он так этого ждал! Значит, не солгали кудесники: он менял свое тело по желанию, по необходимости, но все еще не мог считаться орком. Хотя теперь не оставалось времени на размышления, кто он. Адхи просто стремился наверх, вцепляясь в ступени вновь отросшими когтями, пока ветер жаждал оторвать от твердыни и сбросить вниз, к подножью, на острые обломки каменных плит.

«Дошел! Я дошел, добрался!» – тяжело дыша, подумал Адхи. Он распрямылся у входа в святилище. И ветер стих, осел черным песком, оставшись по ту сторону каменной двери. Возможно, когда-то ее закрывали створки ворот, но их источило время.

Теперь Адхи беспрепятственно зашел в каменные чертоги. Отдаленно они напоминали подземную юрту, но здесь все выглядело привычнее – со стен взирали охранные узоры, в нишах стояли полуразрушенные фигурки с изображением дракона. Белого Дракона!

Адхи устремился к центру святилища, чтобы вознести молитву духам. Он попал в правильное место, в самый темный час судьба не оставила его. Но внезапно его остановил голос:

«Не время для молитв. Не проси помощи у духов, помоги себе сам».

– Белый Дракон! Это ты? Я слышу тебя, о Белый Дракон! – возликовал Адхи. В этом древнем месте ему отвечали и без обращения.

«Змей Хаоса особенно невзлюбил это место, – разносился в голове мелодичный низкий голос. – Здесь поклонялись его злейшему врагу, да. Белому Дракону. И он превратил некогда цветущий край в Пустынь Теней».

– Так Белый Дракон и вправду сражался со Змеем Хаоса? Ты сражался? – воодушевленно спросил Адхи, устало садясь на каменные обломки, готовясь слушать и внимать.

«Не совсем так. И уверен ли ты, что говоришь с Белым Драконом, а не с очередным лжецом?» – задумчиво протянул голос.

– Ты знаешь, что на самом деле случилось с нашим миром? – спросил Адхи.

«Лишь отчасти. Могу рассказать новую легенду», – предложил призрачный собеседник.

– Расскажи! Расскажи, о Белый Дракон! – обрадовался Адхи. Вновь его мир делался простым и понятным, вновь не давила каменная плита ответственности и неизвестности. Кто-то наставлял и готовился указать путь. Или нет? Адхи сомневался, чей голос звучит у него в голове. Особенно после первых слов новой легенды, в которой не нашлось места океану света.

«Когда-то давным-давно во Вселенной сражались два зла, два черных Змея, две жадности, две ярости. Были ли они началом всех пороков или соткались из пороков разумных существ – неизвестно. Но они не могли остановиться в своем желании разрушать, – мрачно начал Белый Дракон. – Они поглощали миры, уничтожали галактики, гасили светила. Они не хотели править или поработать, их изначальная цель была лишь одна – получение новой силы, все больше и больше. Вернее, один из них хотел править Вселенной. А Змей Хаоса не желал ничего, более древний, бессмысленный в алчности и злобе».

– А потом пришел Белый Дракон? И Белые Драконы других миров, да? – с надеждой спросил Адхи, но одернул себя, усмотрев в своем поведении непослушание и наивность, достойную малыша Дады. Не так уж сильно они различались с братом при встрече с неизведанным. Да и вообще столкновение с неизвестностью стирало различия между младенцами и старцами, пугая новизной одних и отнимая знания прожитых лет у других.

«Белый Дракон? Нет. Его не было в этой истории. Два темных змея сражались веками, тысячелетиями. И никто не мог остановить их, пока однажды они не сцепились столь ожесточенно, столь безрассудно, что едва не взорвали все миры, не погасили все звезды, – размеренно продолжал рассказ Белый Дракон, не сетуя на несдержанность молодого ученика. – И от взрыва два древних змея разлетелись в разные стороны, на разные края бесконечного космоса».

– Но ведь одного сразил Белый Дракон? Правда же? – с надеждой спрашивал Адхи.

«Один попал в населенный людьми мир и, даже лишенный силы, запертый в слабом теле человека, превратил тот мир в ужасное место, ставшее его владениями и одновременно ловушкой. А второй змей, ставший Змеем Хаоса, долго летел сквозь галактики и планеты, раскалывая их, смешивая и искажая, – продолжал без запинки Белый Дракон. – Но магия уцелевших миров выстраивала защитные Барьеры, сохраняя то, что удавалось, лишь осколки. Ваш мир, как и многие другие в Хаосе, оказался одним из таких осколков. Вернее, даже половиной некогда существующей круглой планеты. Вторую половину отнесло на другую сторону Хаоса. Сам же Змей оказался заперт в черной дыре, в Норе Змея. Он потерял большую часть силы, но это не мешало ему мучить уцелевшие осколки и питаться отчаянием живых существ».

Адхи представил разбитый круглый плод, вспоротый ножом или топором. Из сердцевины вытекал яркий сок, похожий в видениях на кровь. Раньше Адхи никогда не задумывался, какой формы их мир, весь их мир, а не одни родные степи. Раньше и не существовало другого мира, только Отрезанный Простор. Теперь же перед ним открывались бесконечные горизонты, всполохи далеких звезд, чудеса разноцветных туманностей, хотя он не представлял, на что они похожи. Белый Дракон подсказывал, посылая образы – на разноцветных светлячков, окутавших табор кудесников во время пира. И эти далекие огоньки когда-то гасил и поедал Змей Хаоса. А вокруг каждого потухшего источника света в темноте оставался разрезанный на множество осколков кровотокающий круглый плод.

– А как же наш мир? Он ведь создан Белым Драконом! Правда? Ты знаешь? – грустно уточнял Адхи, бессильно сжимая кулаки.

«Не знаю. Знаю только, что раньше здесь стояли дома из стекла и бетона. Раньше по морям ходили железные корабли, а по небу летали стальные птицы. Но с пришествием Хаоса все замерло, все обратилось вспять», – проговорил с тоской Белый Дракон. Отчего же его голос звучал так грустно? По легендам, он дарил надежду, а не погружал сердца в смятение.

– Но ведь... но ведь у нашего мира был творец? – робко уточнил Адхи, но губы его уже предательски дрожали. Он снова боялся. Наверное, больше всего на свете он боялся, что кто-то разрушит его любимую легенду о творении мира,

которую каждое лето повторял шаман.

«Кто-то создает миры. Или миры сами возникают из ничего. Когда я был человеком, то не верил в богов. Теперь... Теперь думаю, что кто-то один сотворил все миры и разумных существ, и не было у каждого мира своего творца. Но я Его не видел. И вряд ли увижу. А Белый Дракон, наверное, один из стражей, одно из возможных созданий», – задумчиво проговорил незримый собеседник заумным тоном кудесников. Адхи посетила догадка, что все это время один из приятелей Ледора и Аобрана проникал в неокрепший разум наивного орочьего мальчишки. И это осознание будило ярость. Истинный Белый Дракон не стал бы отказываться от легендарной сущности в присутствии ученика.

– Нет! Это плохая, ненастоящая легенда. И ты не Белый Дракон! Ты просто... просто лгун! Я не хочу слушать тебя! Белый Дракон вылупился из белого яйца в океане света и сотворил наш мир, а потом отдал жизнь в борьбе со Змеем Хаоса! – воскликнул Адхи, сжимая кулаки. Он ожесточенно спорил с пустотой заброшенного святилища, с осколками каменной мозаики.

«И я отдал жизнь в борьбе со Змеем Хаоса. Отдал, потерял всё, всех...» – с неискоренимой тоской сурово отозвался собеседник. И Адхи сжался от страха, потому что завибрировали стены, а с потолка посыпалась пыль. Но в коротком возгласе не слышалось настоящего гнева, скорее бессильная боль, скорбь о потерянном.

– П-прости... – вырвалось у Адхи.

«Ничего. Ты еще мал. Я не вправе гневаться на тебя, – смягчился Белый Дракон. – Но почему ты считаешь, что моя легенда неправильная? Разве бывают правильные? Даже в каждом племени орков рассказывают свои».

– В моем племени правильная! А в других... в других шаманы неправильные, – пробормотал Адхи, уже догадываясь, как нелепо и по-детски звучит его спор.

Он умолк, а Белый Дракон рассмеялся: «Неправильные! Ну конечно... Какой ты еще ребенок, Адхи, и до чего же ты боишься всего нового, малейших изменений в жизни. Хотя ты привык к укладу своего племени. Но тебя никогда не манили далекие просторы, тебе не любопытно узнать, что на самом деле произошло с

миром? Тебе достаточно легенд шамана Ругона. Но ты ведь задал вопрос, ты услышал меня. Так действительно ли ты боишься нового? Или лишь давишь в себе бесконечную тягу к познанию в угоду традициям?»

– Традиции священны! Духи предков становятся духами-из-скорлупы и оберегают нас до тех пор, пока мы следуем традициям. А все новое, все, отличающееся в моей жизни, пока приносило только боль, – отчеканил заученную с детства фразу Адхи. Только верил ли он собственным словам? Верил ли, что всегда под защитой духов, а ведет его неизменная и предначертанная с рождения судьба? Так говорил шаман, этим оправдывали любые странности в жизни.

«Но чтобы выбраться отсюда, тебе придется измениться. Чтобы найти брата, тебе придется измениться. И ты уже изменился. Разве нет? Загляни в себя, ты изменился. И не потому что стал мэйвом, ты начал меняться с тех пор, как вступил в пору взросления. Теперь, к сожалению, тебе придется повзрослеть быстрее, чем сверстникам. Спасти брата сможешь только ты, но друзья помогут тебе. Кстати, тебе пора к ним возвращаться».

– Я не могу, – вздохнул Адхи. – На той стороне закрылся «прокол».

«Почему не можешь? Кто тебе сказал? А, Офелиса напугала тебя своим возгласом. Но она ведь не говорила, что отсюда нет выхода. Просто попробуй. Ты ведь даже не пробовал. Снова боишься нового, боишься новой силы. Но ты принял ее, когда подумал о спасении Дады. Вспомни те ощущения. Все получится».

– Белый Дракон! Не покидай меня! – восторженно крикнул Адхи, но голос затих, и святилище замерло в тишине. Больше в нем не ощущалось ничьего присутствия. Снова он остался один наедине с тенью страхов и неуверенности. И новый наставник требовал невозможного, требовал самому научиться использовать силу.

«Но если я остановлюсь, если не попробую, то просто умру здесь», – подумал Адхи и сконцентрировался на воспоминаниях о путешествии к пролому Барьера.

Там были бесконечный коридор без пола и множество острых углов, от столкновения с которыми спасали раскрывающиеся белые крылья в черных

прожилках. Нет, не то... Не лабиринт, не ощущение замкнутости – эти чувства лишь сдавили бы силу.

А вот полет... Парение сквозь пустоту к свету. Магия текла в теле, магия напитывала его, помогая вырваться из бесконечной затягивающей воронки. Темнота отступала, рассеивалась, позволяя свободно взмахнуть крыльями.

Адхи закрыл глаза и раскинул руки – парение, полет. Концентрация силы на кончиках пальцев, как учила сама магия, а не кудесники. Да, сила разливалась не крыльями, а мириадами белых линий. Адхи открыл глаза и увидел их повсюду в святилище.

А снаружи Пустынь Теней окутывали ужасающие черные. Вот почему так тяжело ему давался путь сквозь пустыню, вот почему кудесники не могли открыть «прокол»! Через эти темные канаты не пробилась бы ни единая искорка света. Но здесь, среди руин древней постройки, Адхи ощущал силу.

Едва касаясь, кончиками пальцев он плел дверь, не воровской лаз в пространстве, а настоящую дверь в незримую юрту. Он представлял Отрезанный Простор, верное положение гор с рассветной стороны, далекую пустошь Разрушенного Моста и пестрый табор кудесников.

Хотелось вернуться в племя, но Адхи все еще ощущал на себе печать проклятья, там бы он по-прежнему оставался незримым призраком.

Его путь еще не закончился – только начался. И ему предстояло ступить в неизвестность. Он впервые делал что-то без четких указаний, пусть Белый Дракон и наставил на верный путь. Может, страж и рассказывал неправильные легенды, но привел в правильное место, где зыбко рассыпались прозрачные белые линии.

Адхи ощущал себя не то плотником, не то ткачом, но не болтливым кудесником, который горазд только на ярмарочные фокусы. Он делал нечто иное, нечто свое, вырисовывая охранные узоры вдоль косяка двери-«прокола», создавая иллюзорную ручку, за которую вскоре плавно потянул. И дверь отворилась.

Адхи ступил за порог.

Глава 8. По ту сторону двери

Так он превратился почти в тень, скиталец сумрачных миров, открывший дверь на Пустыни Теней. Адхи переступил порог, но не оказался на Отрезанном Просторе. Его затуманенному измученному взору предстал бесконечный коридор лабиринта, увитого плющами темных и светлых линий, как тонкой вышивкой узоров-оберегов, которые матери вышивали детям вдоль ворота и рукавов рубашек. В этом одиноком отрешенном пространстве кружились осколки, множество звенящих полусфер и фрагментов без формы и смысла. К одним тянулись сияющие белые линии, другие укутывала плотная тьма, точно души людей – каждого по-разному, каждого по поступкам и помыслам.

– Белые линии, Белый Дракон, выведите меня, спасите, – молил Адхи, сжимая у сердца похолодевшие руки. – Где я?!

И сквозь тишину, точно ответствуя на неосторожные возгласы, вспышкой молнии прорвался невыносимый гул, хлестнувший болезненной волной чуткий слух орка-мэйва. Адхи закрыл уши ладонями, надеясь спрятаться и исчезнуть.

– О Белый Дракон! Защити и наставь! – воскликнул он, когда различил в перекрестьях черно-белых линий лавину из всадников и громовых машин, каждая из которых приносила смерть множеству воинов, когда древним монстром изрыгала в облаке огня и дыма оглушающе свистящее зажженное ядро.

«Несчастное дитя! Как же ты попал прямо в осажденный редут посреди боя? Куда ведут тебя белые линии?» – посетовал отдаленный голос Белого Дракона, пока оглушенный и испуганный Адхи прятался под защитой земляных стен. А вокруг царил хаос, но не тот, о котором твердили в легендах, а хаос изначальных пороков разумных существ, хаос их тяги к уничтожению.

Вокруг сражались люди, множество людей, что не напоминали разделенные отряды воинов племени, несущихся навстречу ратной славе единым шквалом. Эти незнакомые создания двигались, подобно заведенному механизму,

подчиняясь гулким командам полководцев, несущихся с саблями наголо впереди войска на горячих взмыленных конях.

Хотя бы сабли в этом месте выглядели знакомо, но все остальное представлялось смещением кошмаров и легенд, навеянных в случайных снах, в каменной юрте и в храме Пустыни Теней. Адхи только вздрагивал и зажимал уши, бессильно крича, не слышал собственного голоса. Он боялся! О, как же он боялся! Раньше он страшился одиночества, но ныне лучше бы вновь оказался в неприветливой пустыне.

Внезапно сверху придавило что-то большое и горячее, текущее алыми каплями, перемазанное в земле. Адхи охнул и отдаленно понял, что на него упал труп бойца, сраженного у края редута.

– Как сюда попал ребенок? – воскликнул один из солдат у громовой машины, вытаскивая из-под пугающей тяжести, еще успевая в последнем жесте почтения закрыть павшему глаза. Но что-то подсказывало: скоро не останется времени на соблюдение традиций и ритуалов. Битва разгоралась и набухла тяжелым штормовым фронтом.

– Беги скорее, – напутствовал другой, подталкивая сбитого с толку Адхи.

– Да некуда бежать! Окружены мы! – воскликнул командир отряда. – Забыли о нашей батарее. Теперь только мы здесь. И чести воинской не посраим.

– Ух, дыму-то дыму, ух, демоны! – приговаривали бойцы, вновь заряжая орудие. Громовая машина повернулась на тяжелых вязнувших колесах, загудела, взревела и пыхнула зажженным ядром, отчего Адхи вновь съежился, зажимая уши. Он видел бой со стороны, когда плыл в океане белых линий через коридор, он видел множество сражающихся теней и сотни тел на изъязвленной земле. А теперь он оказался здесь, в неизвестности среди чужих, не ведая, во имя кого сражаются и что защищают эти новые создания иного места, иного мира.

– За Царя! – воскликнул один из бойцов, и голос его потонул в громе нового выстрела, от которого Адхи отшатнулся в сторону. «Вытащите меня отсюда!» – зажимая кулаками рот, чтобы не кричать, скулил он. И вместо угроз или недовольствия услышал над собой осипший голос одного из солдат с перебинтованным грязными повязками лицом:

– Ты не робей, не робей! Ух, угостим мы их еще, угостим горячим!

– Вон как раззадорился! Поднимем чарки! Выше-выше! – отдавал приказы командир, и вместо кубков с хмельным вином поднималась ввысь копоть от гула смертоносного орудия.

«За что они сражаются? С чем? Почему?» – спрашивал Адхи, сжимаясь на дне редута. Ему бы получить саблю да сойтись в бою в степи, нестись на храпящем коне навстречу врагам, но он томился ожиданием исхода неизвестного сражения под слабой защитой земляного укрепления. А над головой разрывались снаряды, ухала и скрежетала летящая смерть. Две лошади уже лежали убитыми, один из солдат открывал рот в беззвучном крике, пытаясь спрятать внутрь выпадающие внутренности. И Адхи отвернулся, чтобы не глядеть на кровь, залившую землю вокруг громовых машин. Пушек, как подсказывала невидимая сила. Проводник между мирами, который все еще витал рядом незримым гласом.

«За что сражаются, ты спрашиваешь? За что... Как обычно», – вздохнул Белый Дракон, укрывая панцирем светящихся линий, в которых Адхи ощущал себя не то под похоронным саваном, не то в скорлупе яйца из мифа о творении. И вовремя помог Белый Дракон: один из снарядов перелетел через редут и взорвался за ним, осыпая батарею осколками и взвившейся ввысь перемолотой землей.

Ох, стонала земля, ох, гудела! Под ногами извивались не глина и песок – живое существо томилось и стонало, обреченное на муки волей чьего-то приказа. Волей гнева двух народов, сошедшихся в неумолимой битве, хотя могли бы поднимать хмельные чарки за общим столом. Хотя могли бы мирно пасти скот на вольных лугах, как орки Отрезанного Простора. Но ведь и в родном мире не находилось покоя. И сердце уставало от сражений, от бесконечного противостояния.

Война, битва – много ли Адхи думал над смыслом этих слов? Чтобы сперва осмыслить, а потом натягивать лук, у него обычно не было времени. Но теперь, в чужом далеком мире, он испытывал себя на прочность картиной созерцания чужой необъяснимой борьбы во имя неизвестной цели. И у всех ли войн есть хоть какая-то цель? К чему стремилось племя Огненной Травы, нападая раз от раза на соседей, как стая беззаконной жадной саранчи? Ответы смешивались и туманились простотой и неопрятностью правды: всего лишь из жадности, как

два древних змея. Два зла сражались в незапамятные времена, вонзая клыки в колоссальные чешуйчатые тела, как две пропасти, две черные бездны, обретшие фантомную плоть.

«Белый Дракон, мои ли мысли сейчас в голове? Ответь?» – спросил Адхи, замечая, как непривычно тягуче и долго он рассуждает, точно древнее усталое существо. В переходе между мирами он сливался единым колебанием сознаний с чередой сияющих линий, отраженных сквозь пространство немой пустоты вечностью переливов. В них звучала песня миров, в них угадывался тонкий зов, сквозь который проступали знакомые и незнакомые голоса. Множество голосов, замирающих и оживающих натянутой струной. Голоса и сердцебиение, тихое трепетание души мироздания. Только сердца родных скиталец так и не услышал, не распознал, не отделил от общей картины.

«Матушка, отец! Живы ли вы, не напало ли на вас вновь племя Огненной Травы?» – тревожился Адхи, ощущая себя чужим среди побоища, среди храбрых солдат и скорбных мертвецов. Их судьбы переплетались гулом бешеных колесниц, где разгоряченные возницы, не видя преград, правят к пропасти. Здесь, в этом чужом мире, схлестнулись разные силы, отрезанные от корней и всеединства разумных созданий, как срубленные деревья или обезглавленные змеи, стремящиеся проглотить собственный хвост.

– Эй, а малец-то весь в крови, – заметил один из солдат. – Ранен, небось.

«Не кровь это! Пока не кровь. Это у меня кожа такого цвета», – вздрогнул Адхи, вспоминая, как отличается от солдат в запыленной зеленой одежде с непривычными вышивками. Не нашлось меж них ни орка, ни эльфа – всюду люди, измученные и оглохшие в иступленной борьбе. Хотелось вернуться домой, в деревню, или хотя бы к кудесникам, к чему-то привычному.

– В крови. Тут все в крови... Ввинчивай винты! – приказывал командир и сам кинулся к громовым орудиям. И он улыбался, улыбался жутким застывшим лицом, обращенным в сторону врагов. Но видел он в них уже не людей, а множество далеких огоньков, мелькание конницы и сабель. А летящие в реду ядра – огромные градины разбушевавшейся непогоды. Так казалось при взгляде на этого коренастого немолодого человека в зеленом кафтане.

«Тебя убьют! Зачем ты так?» – посетовал Адхи, сжимаясь в укрытии, мечтая сделаться совсем незримым и не принимать участия в чужой ожесточенной борьбе. Но он уже оказался среди этих отважных молодцов, в окружении, со всех сторон обложенный неведомыми врагами. И если дверь с Пустыни Теней вывела его в это новое место, если Белый Дракон говорил с ним, значит, в том крылась неизменная высшая цель.

Шаман Ругон и кудесница Офелиса твердили, что Адхи должен сам догадаться, в чем его уникальность, за что его избрали на многие испытания, а не позволили пройти одно в дни посвящения. И, кажется, он почти понимал, почти пробивался за тянущуюся завесу странной тайны, но ответ ускользал под новым шквалом выстрелов.

– Ай! Братцы... Убили меня! Совсем убили, – запричитал один из солдат, падая возле орудия с перешибленной левой ногой. Сапог разворотило, вместе с лоскутами кожи торчали осколки костей. Молодой парень корчился и выл, кусая губы. Он не желал, чтобы его мучительный крик достиг ушей товарищей, он не хотел, чтобы они уstraшились такой же участи.

Адхи бросился к раненому, не зная точно, в чем его цель, чем он сумеет помочь. Он попытался исправить рану, сшить края, воздев руки, – Офелиса рассказывала, что некоторые кудесники так умеют. Возможно, его дар заключался в умении исцелять, хотелось в это поверить. Он и впрямь вроде бы видел возле краев раны трепетание разорванных белых линий. Весь мир в тот миг замирал и отступал, оставались только расчерченными сиянием и тьмой очертания предметов. Адхи попытался потянуть за одну из нитей, но неверные руки схватили лишь воздух, а потом все утонуло в новом выстреле, отбросившем к земляному краю редута.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/tokareva_mariya/legendy-otrezannogo-prostora

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)